

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. Ломоносова
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
Кафедра истории государства и права**

**Курсовая работа по теме:
«Государственные преступления в 20-30е гг.: теория и практика»**

Подготовила:
студентка 205 группы
Дмитриева Ника Юрьевна

Научный руководитель:
д. ю. н., профессор
Полянский Павел Львович

Дата представления курсовой работы в учебный отдел:

« » 2025 г.

Дата сдачи научному руководителю: « » 2025 г.

Дата защиты курсовой работы: « » 2025 г.

Оценка:

Москва

2025 г.

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	2
ГЛАВА 1. Развитие уголовного законодательства о государственных преступлениях.....	8
§1. Развитие законодательства о государственных преступлениях до кодификации уголовного права.....	8
§2. Развитие законодательства о государственных преступлениях в 1920-1930е гг.....	16
ГЛАВА 2. Понятие и сущность государственных преступлений.....	27
§1. Ограниченнное и расширительное толкование понятия «государственные преступления».....	27
§2. Общее определение и признаки контрреволюционных преступлений.....	32
ГЛАВА 3. Структура и составы государственных преступлений.....	46
§1. Изменения структуры законодательства о государственных преступлениях. Сравнительно-правовой анализ.....	46
§2. Составы и классификация государственных преступлений.....	51
§3. Классификация контрреволюционных преступлений.....	54
§4. Классификация преступлений против порядка управления.....	55
ГЛАВА 4. Квалификация государственных преступлений. Особенности судебной практики.....	59
§1. Отличие контрреволюционных преступлений от иных составов.....	59
§1.1. Проблемы элементов состава контрреволюционных преступлений.....	61
§2. Отличие преступлений против порядка управления от иных составов.....	66
§2.1. Проблемы элементов состава преступлений против порядка управления.....	68
ГЛАВА 5. Общие вопросы ответственности и виды наказаний за государственные преступления.....	72
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	76
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	82

ВВЕДЕНИЕ

Государственные преступления - эта та категория преступлений, которые характерны для любого правопорядка. Посягательства на общественную безопасность, государственное устройство, суверенитет власти, территориальную целостность неизбежны по разным причинам, со сменой исторических периодов меняются только формы проявлений, методы посягательств. Наказания за государственные преступления, как правило, являются одними из самых строгих в уголовном законодательстве различных государств.

Необходимо лишь отметить, что расширение составов, ужесточение санкций в области государственных преступлений происходят прямо пропорционально критическим обстоятельствам исторического периода.

Несмотря на это, существует распространенный миф об использовании властью Советов норм главы 1 Особенной части УК («Государственные преступления») как инструмента осуществления «диктаторской» политики. Необходимо изучить данную тему подробнее.

Объект исследования – политico-правовые отношения, возникающие в связи с деяниями, входящими в круг государственных преступлений в исследуемый период.

Предмет исследования - уголовно-правовое содержание государственных преступлений.

Хронологические рамки работы. В курсовой работе рассмотрено развитие законодательства о государственных преступлениях в 1917-1941 гг. Выбор начального момента обусловлен установлением власти Советов, периодом, когда произошел слом прежней системы. Момент окончания определен началом Великой Отечественной войны, когда тенденции развития законодательства в области государственных преступлениях, в связи с историческими условиями, стали отличными от предшествующего периода.

Цель работы – изучение особенностей становления и развития законодательства о государственных преступлениях.

Задачи:

1. Определить закономерности развития законодательства о государственных преступлениях в первые десятилетия Советской власти;
2. Проанализировать факторы, повлиявшие на развитие законодательства о государственных преступлениях в первые десятилетия Советской власти;
3. Определить сущность государственных преступлений в рассматриваемый период;
4. Рассмотреть признаки государственных преступлений;
5. Выявить особенности квалификации государственных преступлений;
6. Рассмотреть виды наказаний за государственные преступления.

Теоретическая разработка. Вопросы уголовного законодательства в области государственных преступлений исследовались уже советскими авторами. В первой половине XX столетия труды, как правило, представляли не столько комплексный анализ государственных преступлений в целом, сколько касались отдельных видов, составов государственных преступлений, здесь можно отметить работу Герцензона А.А.¹ об измене Родине, статью Тухачевского М.Н. о бандитизме², статью С. Турло о шпионаже³.

Преступлениям против порядка управления посвящены исследования Меньшагина В.Д.⁴, Ордынского С.П.⁵, Немировского Э.⁶ Отдельно по контрреволюционным преступлениям в тот период писали Гюнтер А.Р.⁷, Пионтковский А.А.⁸

Из обобщающих работ по государственным преступлениям в первой половине XX века отметим труд, написанный коллективом авторов - Ошеровичем Б.С., Пионтковским А.А., Меньшагиным В.Д., Герцензоном А.А.⁹. Работа имеет

¹ См.: Герцензон А.А. Уголовная ответственность за измену родине. Ашхабад, 1942.

² См.: Тухачевский М.Н. Борьба с контрреволюционными восстаниями. Искоренение типичного бандитизма (Тамбовское восстание) // Война и революция. 1926, №7-9.

³ См.: Турло С. Шпионаж и УК // Еженедельник советской юстиции. 1924. №11.

⁴ См.: Меньшагин В.Д. Преступления против порядка управления. 1938 г.

⁵ См.: Ордынский С.П. Преступления против порядка управления. М., 1924.

⁶ См.: Немировский Э., Филин Н. Преступления против порядка управления. Харьков, 1928.

⁷ См.: Гюнтер А.Р. Контрреволюционные преступления. Харьков, 1929.

⁸ См.: Пионтковский А.А. Контрреволюционные преступления в УК РСФСР // Советское право. 1924. №2.

⁹ См.: Герцензон А.А., Меньшагин В.Д., Ошерович Б.С., Пионтковский А.А. Государственные преступления. М., 1938.

принципиальное значение для изучения проблематики, она написана учеными, которые оказали непосредственное воздействие на разработку уголовного законодательства рассматриваемого периода. Тем не менее, несмотря на прямое «соприкосновение» ученых с уголовной политикой того периода, их труд не был близок к отражению реальной судебной практики. Умозаключения, к которым приходили авторы, не всегда соответствовали решениям правоприменителей, в том числе, и Верховного суда СССР.

Отметим, что для данного периода характерно скорее написание работ по общим вопросам уголовной политики. Особого внимания заслуживают комментарии к УК 1922 г., УК 1926 г., над которыми работали Гернет М.Н., Гродзинский М.М., Жижиленко А.А., Карницкий Д.А., Рогинский Г., Строгович М., Трайнин А.Н. и др.¹⁰. Однако, вследствие несовершенной, во многом двусмысленной законодательной техники, разнообразия судебной практики, комментарии не отличались последовательностью и единством позиций, как по самостоятельным составам, так и по общим вопросам контрреволюционных преступлений и против порядка управления.

Проведя анализ вышеуказанных работ отметим, что, с одной стороны, для трудов, написанных непосредственно в изучаемый период, характерно сравнение социалистического законодательства и «буржуазного», из такого сопоставления авторы и выводили сущность, содержание государственных преступлений, что отдало их от объективной действительности; также после 1936 г. характерна констатация соответствия уголовного законодательства Конституции, что препятствовало созданию «общей картины» эволюции законов в области государственных преступлений со всеми ее достоинствами и недостатками. С другой стороны, при должном и внимательном анализе идеологическая окраска позволяет понять политическую сущность, вектор развития закона, идеи, которые наряду с другими факторами, стали основой для осуществления законодательной

¹⁰ См.: Карницкий Д.А., Рогинский Г., Строгович М. Уголовный кодекс РСФСР. Постатейный комментарий. М., 1931.; См.: Уголовный кодекс. Практический комментарий / Под ред. Гернета М.Н., Трайнина А.Н. М., 1927.; См.: Гернет М.Н., Гродзинский М.М., Жижиленко А.А. и др. Уголовный кодекс. Практ. Коммент. М. 1925.

политики; также работы именно советских ученых отражают цель введения конкретной нормы, т.е. создают возможность применения телесологического толкования к тексту закона.

Среди современных исследователей, занимающихся локальными вопросами теории и практики законодательства о государственных преступлениях, можно назвать работы Абуталипова А.Р.¹¹, Илиджева А.А.¹², Щербакова А.В.¹³, Трошкину Д.Э.¹⁴, Беляева А.Е.¹⁵, Богатикова Д.И., Бушуева И.А., Игнатова А.Н.¹⁶, Дьякова С.В.¹⁷.

По общим вопросам развития государственных преступлений в уголовном праве коллективом авторов написан историко-правовой очерк¹⁸. Несомненными преимуществами монографии являются, во-первых, освещение эволюции законодательства в области государственных преступлений за весь период существования СССР (с 1917 г. по 1990-е гг.), во-вторых, учет экстраординарных обстоятельств периода (революция, Гражданская война, Великая Отечественная война), которые, безусловно, сказались на уголовной политике; учет данных событий хоть и не новшество для исследований в области рассматриваемой проблематики, но все-таки необходимая составляющая, упускать которую не стоит; однако значения субъективным факторам ученые не придали. Так же отметим, что несмотря на такой комплексный анализ, в работе прослеживается позиция о том, что советское уголовное право высшей социальной ценностью объявило государство, что в свою очередь, по мнению ученых, свидетельствует о том, что

¹¹ См.: Абуталипов А.Р., Илиджев А.А. К вопросу о юридической природе преступлений против порядка управления в уголовном праве России // Вестник Казанского юридического университета МВД России. № 1 (15). 2014.

¹² Там же.

¹³ См.: Щербаков А.В. Российское уголовное законодательство о преступлениях против порядка управления // Бизнес в законе. 2009.

¹⁴ См.: Трошкина Д.Э. Государственные преступления в проекте Уголовного уложения 1918 года // Философия. Социология. Право. 2023. № 48(3).

¹⁵ См.: Беляев А.Е. Уголовная ответственность за призывы, образующие преступления против государства. М., 1991.

¹⁶ См.: Богатиков Д.И., Бушуев И.А., Игнатов А.Н. и др. Особо опасные государственные преступления. М., 1963.; См.: Богатиков Д.И., Бушуев И.А., Игнатов А.Н. и др. Ответственность за государственные преступления. М., 1965.

¹⁷ См.: Дьяков С.В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: уголовно-правовое и криминологическое исследование. СПб., 2009.

¹⁸ См.: Агузаров Т.К., Грачева Ю.В., Чучаев А.И. Государственные преступления в уголовном праве России в XX веке: историко-правовые очерки. М., 2015.

государственный интерес превалировал над интересом личности – такой подход не позволяет раскрыть сущность категории «государственные преступления» в полной мере.

Значение исследования. Понимание истоков, закономерностей даёт возможность найти решение для тех ситуаций, для которых нет решений в практике и теории «настоящей эпохи». Изучение законодательства в исторической перспективе позволяет определить цель создания того или иного института, следовательно, определяет и его правильное применение.

Такие преступления, как государственная измена, шпионаж, терроризм – совершаются и в наши дни, носят постоянный характер, будь то – социалистическое государство или капиталистическое, XIX или XXI в. Более того, кризисная ситуация порождает необходимость выработки новых и совершенствование имеющихся правовых мер, обеспечивающих безопасность государства. Уголовная политика в экстраординарных ситуациях выступает неотъемлемой частью эффективных методов управления, инструментом стабилизации общественных отношений, недопущения подрыва функционирования государственного аппарата.

Изучение законодательства о государственных преступлениях в исторической ретроспективе способствует правильной оценке угроз данных деяний в современной России, позволяет оценить эффективность тех или иных мер, направленных на борьбу с ними. Обеспечение национальной безопасности является приоритетной задачей в экстраординарных для государства ситуациях.

Кроме того, рассмотрение государственных преступлений, предусмотренных советским уголовным законом, имеет практическое значение и сегодня. В нынешних условиях имеются правовые способы пересмотра дел, связанных с «политическими репрессиями». Так, с 2022 года в России проверили 14 тысяч заключений о реабилитации жертв политических репрессий, из них 4 тысячи было отменено¹⁹. В связи с чем, данный вопрос приобретает особую актуальность.

¹⁹ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7166201> (дата обращения: 16.03.2025).

Методологическая основа: исторический, логический, формально-юридический методы, сравнение, анализ, синтез.

Структура исследования. Настоящая работа состоит из введения, 5 глав, разделенных на 14 параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы. Первая глава посвящена изучению развития уголовного законодательства в области государственных преступлений в соответствии с двумя выделенными периодами. Вторая глава направлена на выявление сущности государственных преступлений, без чего не представляется возможным обозначение признаков рассматриваемых категорий преступлений. Соответственно, третья глава содержит описание эволюции структуры государственных преступлений на протяжении 1920-1930-х гг., а также виды деяний данной категории. Глава четвертая «базируется» на предыдущих трех и посвящена особенностям квалификации государственных преступлений на практике. В пятой главе обозначены общие вопросы ответственности за государственные преступления.

ГЛАВА 1. Развитие уголовного законодательства о государственных преступлениях.

§1. Развитие законодательства о государственных преступлениях до кодификации уголовного права.

Докодификационный период (1917-1922 гг.) – этап, когда происходит слом «старого» правопорядка, что порождает ряд пробелов в законодательстве, восполнить которые «мгновенно» не представлялось возможным. Пришлось прибегнуть к правотворчеству народных масс, декларативным положениям, революционному правосознанию, декретам-инструкциям. Стоит отметить, что хоть подобные меры и были вынужденными, в целом они соответствовали идеям новой власти. Так, Ленин писал в начале 1919 г.: «Декреты, это — инструкции, зовущие к массовому практическому делу»²⁰.

Развитие составов о государственных преступлениях соответствовало «общему духу» уголовного закона того периода. П.И. Стучка писал: «Старые законы были «сожжены»²¹. Тем не менее, декретом о суде № 1 от 24 ноября 1917 г. допускалось применение Уголовного уложения 1903 г. при соблюдении двух условий: 1 – положения не отменены революцией; 2 – не противоречат революционным совести и правосознанию²². Сохраняется возможность использования дореволюционных законов и во втором декрете о суде, который был издан в марте 1918 г. Однако уже в июле 1918 г., в третьем декрете о суде указывалось, что народный суд может руководствоваться лишь декретами рабочего и крестьянского правительства и социалистической совестью (ст. 3)²³. Положения дореволюционного законодательства о государственных преступлениях правоприменителем не использовались, поскольку не только противоречили идеям революции, но и, после 1917 года, такие составы, как «оскорбление Величества» (ч. 1

²⁰ Ленин. Соч. т. XXIV. С. 166.

²¹ Стучка П.И. Пролетарская революция и суд // Пролетарская революция и право. 1918. №1. С. 3.

²² СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.

²³ СУ РСФСР. 1918. № 52. Ст. 589.

ст.103)²⁴, против членов императорского дома (ст.106)²⁵, «восстание скопом и заговором против Государя и государства» (ст.125)²⁶ и т.п. - актуальности не представляли.

В первые годы Советской власти комиссией Наркомюста под руководством И.З. Штейнберга был разработан проект Уголовного уложения 1918 г. на основе уложения 1903 года, который включал семь разделов. Первый объединял нормы общей части уголовного права, последующие разделы были посвящены общественно-опасным деяниям, в том числе, преступлениям против государства и государственного управления и преступлениям против общественного порядка и спокойствия²⁷.

В этот же период Д.И. Курский написал статью, в которой систематизировал составы в зависимости от объектов посягательств; работа имела в большей мере теоретическое значение. В статье выделялось 11 групп преступлений, 2 группа – «Преступления против рабоче-крестьянского правительства» - такое название получили государственные преступления²⁸.

Как уже было отмечено, указанный период характеризовался изданием актов, во многом имеющих декларативный характер. Новая власть разрушила «старый мир»; мероприятия на этом пути не могли не вызвать сопротивления со стороны бывших помещиков, владельцев фабрик и т.д. Необходимо было создать хотя бы декреты-инструкции по руководству борьбы с контрреволюционерами, спекулянтами, бандитами, хулиганами. Во многом подобные декреты служили механизмами для пресечения преступных деяний со стороны противников национализации земли, банков, промышленных объектов. Развитие особенной части уголовного законодательства было сосредоточено не в отдельном кодифицированном акте, а в актах по отдельным вопросам, так как стремление построить государство нового типа, удержать завоевания революции требовали «реакции»

²⁴ Уголовное уложение 22 марта 1903 г. Изд. Н.С. Таганцева. СПб., 1904. С. 190.

²⁵ Там же. С. 194.

²⁶ Там же. С. 231.

²⁷ Грачева Ю. В., Маликов С. В., Чучаев А. И. Советское уголовное уложение (научный комментарий, текст, сравнительные таблицы) / под общ. ред. докт. юр. наук, профессора А. И. Чучаева. М., 2015. С. 139.

²⁸ Курский Д.И. Новое Уголовное право // Пролетарская революция и право № 2 (12) - 4 (14). С. 24.

на быстро сменяющиеся и часто непредсказуемые обстоятельства объективной действительности, «контрреволюционные проявления». Первые акты не предусматривали четкой системы, издавались в виде - обращений, возваний, декретов, инструкций, постановлений и деклараций.

Приведем некоторые из них: постановление ВЦИК от 5 января 1918 «О признании контрреволюционным действием все попытки присвоить себе функции государственной власти»²⁹; декрет СНК УССР от 13 февраля 1918 г «О наказуемости агитации, направленной к возбуждению национальной вражды»³⁰; постановление СНК от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре»³¹; постановление СРКО от 25 декабря 1918 г. «О дезертирстве»³²; обращение СНК ко всем армейским организациям, военно-революционным комитетам, всем солдатам на фронте 11 ноября 1917 г. «О борьбе с буржуазией и ее агентами, саботирующими дело продовольствия армии и препятствующими заключению мира»³³; обращение СНК ко всему населению 26 ноября 1917 г. «О борьбе с контрреволюционным восстанием Каледина, Корнилова и Дутова»³⁴; обращение СНК 30 ноября 1917 г. «О подавлении контрреволюционного восстания буржуазии, руководимого кадетской партией — СНК РСФСР»³⁵; декрет ВЦИК 9 мая 1918 г. «О предоставлении Народному комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими»³⁶; постановление Совета рабочей и крестьянской обороны 7 февраля 1920 г. «О предоставлении полевым комиссиям по борьбе с дезертирством права наложения взыскания на укрывателей дезертиrov»³⁷; декрет СНК 19 февраля 1920 г. «О предании лиц, обвиняемых в бандитизме, суду военно-революционного трибунала»³⁸ и др.

²⁹ СУ РСФСР. 1918. № 14. Ст. 202.

³⁰ СУ УССР. 1919. № 9. Ст. 114.

³¹ СУ РСФСР. 1918. № 65. Ст. 710.

³² Известия ВЦИК Советов от 27 декабря 1918 года. № 285. Ст. 1015.

³³ СУ РСФСР. 1917. № 3. Ст. 29.

³⁴ СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 53.

³⁵ СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 64.

³⁶ СУ РСФСР. 1918. № 35. Ст. 468.

³⁷ СУ РСФСР. 1920. № 9. Ст. 58.

³⁸ СУ РСФСР. 1920. № 11. Ст. 71.

Первым обобщением нормотворчества в области уголовного права стали «Руководящие начала» 1919 г. Разделы «Руководящих начал» в дальнейшем составили основу Общей части УК РСФСР.

Импульсами развития уголовного законодательства в указанный период были, во-первых, объективные предпосылки, выразившиеся в исторических особенностях рассматриваемого периода, во-вторых, субъективные, выразившиеся в воззрениях кадрового состава Наркомюста.

Докодификационный период невозможно рассматривать в отрыве от субъектов, разрабатывающих законодательство, право не сводится к системе норм. Законы разрабатывали конкретные лица, в них вложено их сознание, воля, это «ключ» к пониманию происходящих процессов.

Над уголовным законодательством работали: И.З. Штейнберг, В.А. Алгасов, М.Ю. Козловский, П.А. Красиков, П.И. Стучка, А.А. Шрейдер, М.М. Сиверс, Тераевич, Я.Н. Берман, Л.А. Саврасов³⁹, М.М. Исаев, С.В. Познышев, Е.Г. Ширвиндт, Н.А. Черлюнчакевич и др.

Самобытность кадрового состава Наркомата юстиции, которая выразилась в отличном (от предшествующего периода) понимании идей уголовного закона, определила особенности развития уголовной политики. Уголовное законодательство формировалось под влиянием социологической школы права, которая стала популярна в начале XX в. Концепция данной школы права строилась на понимании преступления и наказания не столько с точки зрения закона, сколько с позиции социальных факторов, в центре находились качества личности преступника, а не само деяние. Эта уголовно-правовая мысль нашла своих сторонников среди сотрудников Наркомюста, которые отразили данные идеи в разрабатываемом ими законе.

Так, П.Л. Полянский среди представителей «старого элемента» в кадровом составе НКЮ называет А.А. Жижиленко, М.М. Исаева, С.В. Познышева⁴⁰. А.А.

³⁹ Окунева М.О. Влияние социологической школы Уголовного права на кодификацию советского уголовного законодательства // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2016. № 4. С. 115.

⁴⁰ См.: Полянский П.Л. Зарождение института неопределенных приговоров в советском законодательстве 1918–1921 гг. // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2023. № 5.

Жижиленко возглавлял Главное управление местами заключения НКЮ еще при Временном правительстве. Уже в своем первом приказе в должности начальника управления А.А. Жижиленко определил главную задачу наказания — перевоспитание преступника. М.М. Исаев стал его помощником. Познышев С.В., которому был известен институт неопределенных приговоров, занимал должность «заведующего пенитенциарным отделом»⁴¹. В период становления советского государства в Наркомюсте работали лица, некоторые из которых еще до революции были знакомы с идеями социологической школы⁴².

Стучка П.И., нарком юстиции с 15 ноября по 9 декабря 1917 г., писал, что «буржуазные законы» должны представлять «пустое место»⁴³. А.А. Шрейдером, наркомом юстиции с декабря 1917, указывалось, что необходимо в корне переработать и пересмотреть с точки зрения нового революционного правосознания законодательство⁴⁴, считалось, что советский строй не нуждается в конкретных нормах, их подскажет революционное правосознание трудящихся, такими взглядами объясняется принятие 19 декабря 1919 г. «Руководящих начал»⁴⁵, по сути являющихся инструкцией.

М.Ю. Козловский, также активно участвующий в создании уголовного законодательства, видел основной целью пролетарского закона борьбу с буржуазией, считал, что «для марксиста любое преступление — продукт классового антагонизма», позицию о том, что преступления обусловлены человеческим фактором он называл «фетишизмом права, как чего-то вечного»⁴⁶. Таких же взглядов придерживался Л.А. Саврасов⁴⁷. Государственные преступления М. Ю. Козловский называл политическими и писал, что со временем они перестанут представлять опасность⁴⁸. Первоначально путь к

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Стучка П.И. Пролетарская революция и суд // Пролетарская революция и право. 1918. №1. С. 7.

⁴⁴ Трошкина Д.Э. Государственные преступления в проекте Уголовного уложения 1918 года // Философия. Социология. Право. 2023. № 48(3). С. 532.

⁴⁵ СУ РСФСР. 1919. №66. Ст. 590.

⁴⁶ Козловский М.Ю. Пролетарская революция и уголовное право // Пролетарская революция и право. 1918. № 1. С. 26.

⁴⁷ См.: Саврасов Л.А. Преступление и наказание в текущий переходный период // Пролетарская революция и право. 1918. № 5. С. 23.

⁴⁸ Козловский М.Ю. Указ. соч. С. 28.

достижению таких целей деятели юстиции видели в «значительном упрощении права»⁴⁹. Деятели Наркомюста исходили из того, что опасное состояние может выражаться не только в действиях, имевших последствие, но и в чертах деятельности лица, свидетельствующих лишь о серьезной угрозе общественному правопорядку⁵⁰ - такими взглядами обусловлено материальное определение преступления.

А.А. Жижиленко, возглавлявший Главное управление местами заключения, видел главной задачей наказания перевоспитание преступника. Он считал, что оценке подлежит не столько содеянное, сколько личность («опасное состояние»), подобными взглядами объясняется появление института неопределенных приговоров⁵¹.

Для социологической школы преступление не явление, порождаемое прирожденными наклонностями людей, для нее оно явление социального порядка, вызываемое отношениями социальных сил⁵². Именно поэтому для того, чтобы адекватно оценивать опасность состояния, Руководящие Начала давали суду неограниченное количество санкций (перечень наказаний примерный).

Вышеперечисленные примеры отражения взглядов кадрового состава в уголовном законодательстве не являются исчерпывающими, они лишь служат иллюстрацией того, что субъективный фактор оказал особое влияние на направление развития уголовной политики, в т.ч. в области государственных преступлений.

Необходимо также отметить, что развитие уголовного законодательства в этот период проходило в соответствии с концепцией «революционной законности». А. Сольц писал, что «революционная законность» до 1922 г. представляла отражение действительности, строилась на содержании и целесообразности, в то

⁴⁹ Там же. С. 22.

⁵⁰ Черлюнчакевич Н.А. IV Всероссийский съезд деятелей советской юстиции (26-30 января 1922 г.). Стеногр. отчет. М., 1922. С. 15.

⁵¹ См.: Полянский П.Л. Указ. соч. С. 12.

⁵² Берман Я.А. К вопросу об Уголовном кодексе социалистического государства // Пролетарская революция и право. 1919. № 2(12)-4(14). С. 40.

время, как буржуазная законность на форме и букве⁵³, т.е. в этот период «революционная законность» рассматривалась как противопоставление классической законности. На протяжении всего рассматриваемого нами периода (1917-1941 гг.) сам термин – «революционная законность» - оставался неизменным, однако суть, которая в него вкладывалась существенно трансформировалась. «Революционная законность» в 1917-1922 гг. (даты условны) была тесно связана с «социалистическим правосознанием», проистекала из него. Речи о законности в ее классическом понимании (*nullum crimen sine lege*) не шло, «революционная законность» в данный период, прежде всего, обусловлена восполнением пробелов с помощью «социалистического правосознания», а не «буквы закона».

Необходимость подобного подхода особенно подчеркивалась в законодательстве о государственных преступлениях, А.А. Пионтковским указывалось: «Первые случаи применения аналогии по УК 1922 г. как раз относились к делам о контрреволюционных преступлениях»⁵⁴. В 1918 г. в Постановлении Чрезвычайного VI Всероссийского съезда советов «О точном соблюдении законов»⁵⁵ указывалось, что «за год революционной борьбы рабочий класс России выработал основы законов Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, точное соблюдение которых необходимо для дальнейшего развития и укрепления власти рабочих и крестьян в России». Однако это же постановление содержало отступление от законности, в случае «если они вызваны экстремальными условиями гражданской войны и борьбы с контрреволюцией» (п. 2).

Отметим, что особую роль в развитии уголовного закона сыграли экстраординарные условия, особенно в области государственных преступлений. Д.И. Курский писал, что в главе о контрреволюционных выступлениях было закреплено то, с чем советская власть сталкивалась с 1917 г.⁵⁶. Гражданская война, ин-

⁵³ Сольц А.А., Файнблит С.Д. Революционная законность и наша карательная политика. М., 1925. С. 4.

⁵⁴ Пионтковский А.А. Труды первой научной сессии Всесоюзного института юридических наук. Тезисы докладов. А.А. Герцензона. Основные принципы и положения проекта уголовного кодекса Союза ССР. М., 1939. С. 183.

⁵⁵ СУ РСФСР. 1918. № 90. Ст. 908.

⁵⁶ Курский Д.И. На путях развития Советского права. 1927. С. 57.

тервенция, сопротивление со стороны противников мероприятий советской власти, экономический кризис – заставили реагировать власть Советов с помощью правовых инструментов, стали «катализатором» для издания того или иного акта. Например, в ответ на проявление террора со стороны «белых» в сентябре 1918 года издается декрет «О красном терроре», в котором говорилось, «что при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью...»⁵⁷. Чрезвычайные меры продиктованы чрезвычайными условиями; уголовное законодательство отражало общественные проявления, считалось политически ошибочным в Уголовном кодексе проводить принцип «нет преступления без закона»⁵⁸.

Итак, развитие уголовного законодательства в целом и законодательства о государственных преступлениях в частности, определили как субъективные, так и объективные факторы.

Рассмотрение развития уголовного законодательства в контексте государственных преступлений позволяет нам сделать вывод, что принцип «классической» законности вытеснила законность «революционная». Для первого периода советского права характерно издание законов по отдельным проблемам и отсутствие систематизированных актов, что было вызвано необходимостью ликвидации правового «вакуума» только зарождающегося государства Советов, потребностью оперативного решения вопросов, которые ставила революция. С.В. Познышев писал, что «наука уголовного права должна изучать преступления, как живое общественное явление в его многосторонней связи с социальными условиями»⁵⁹, в этом смысле, неопределенность вызвана превенцией.

⁵⁷ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952 гг. / под ред. И.Т. Голякова. М., 1953. С. 34.

⁵⁸ Пионтковский А.А. Труды первой научной... С. 182.

⁵⁹ Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. М., 1912. С. 31.

§2. Развитие законодательства о государственных преступлениях в 1920-1930е гг.

После кодификационный период необходимо разделить на два этапа:

- 1) Переход на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (1922-1927 гг.);
- 2) Борьба за коллективизацию сельского хозяйства: дальнейшее укрепление революционной законности и приведение принципов советского уголовного права в соответствие с Конституцией 1936 г. (1928-1941 гг.).

К началу 1922 г. накопился значительный массив нормативно-правовых актов, которые необходимо было систематизировать, упразднить пробелы и противоречия. Первым кодифицированным уголовным актом стал кодекс РСФСР 1922 года. Согласно Конституции 1924 г. регулирование общей части уголовного права относилось к ведению союза, поэтому в октябре 1924 г. ЦИК СССР утвердил «Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик»⁶⁰. 22 ноября 1926 г. ВЦИК принял новый Кодекс РСФСР. В 1927 г. было издано общесоюзное специальное Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления)⁶¹, которое полностью вошло в УК РСФСР 1926 г. В 1930-е гг. было разработано несколько проектов УК, ни один из которых не вступил в силу.

Особенная часть УК 1922 г. начиналась с главы о государственных преступлениях, которая состояла из двух разделов: контрреволюционные преступления и преступления против порядка управления. Таким образом, на данном этапе составы о государственных преступлениях получили четкое законодательное оформление.

⁶⁰ Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик (утв. Постановлением ЦИК СССР от 31.10.1924) / СПС «КонсультантПлюс».

⁶¹ Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления) (утв. Постановлением ЦИК СССР от 25.02.1927) / СПС «Консультант-Плюс».

Перед принятием УК 1926 г. велись горячие споры о том, место ли преступлениям против порядка управления в главе «Государственные преступления». М.М. Исаев считал, что преступление можно относить к государственным только в том случае, если лицо сознательно направляет волю против государства, стремится его разрушить, а не только нарушает порядок, в противном случае - «чуть ли не треть кодекса будет занята «государственными преступлениями»⁶². Н.В. Крыленко признавал, что только *формально* к государственным преступлениям надлежит отнести преступления против порядка управления. Против сужения понятия государственных преступлений выступил А.Н. Винокуров. В СНК Союза⁶³, по словам А.Н. Винокурова, большого значения данному вопросу не придавали, считая споры схоластическими. СНК внес на сессию два Положения: о контрреволюционных преступлениях и против порядка управления, сессия все же признала необходимым объединить оба положения в одно, в Положение «О преступлениях государственных». По какой причине в УК 1926 г. раздел о преступлениях против порядка управления был сохранен в главе о государственных преступлениях? Исаев М.М., ссылаясь на позицию комиссии, писал, что «отнесение к государственным преступлениям только контрреволюционных находилось бы в некотором формальном несоответствии с Основными Началами»⁶⁴. Итак, результатом «противоборства» стало сохранение за главой «Государственные преступления» двух разделов, однако в 1927 г. был принят «промежуточный» вариант.

В 1927 г. издается положение «О преступлениях государственных», в соответствии с которым в УК вносятся изменения: главу 1 «Государственные преступления» составили из следующие разделы: «контрреволюционные преступления» и «Особо опасные для Союза преступления против порядка управления»;

⁶² Исаев М.М. Основные начала уголовного законодательства СССР. М., 1927. С. 14-15.

⁶³ Апрельская сессия ЦИК 1926 г. утвердила комиссию по совершенствованию Общесоюзного уголовного законодательства. Комиссия обсуждала вопрос о месте преступлений против порядка управления в главе о государственных преступлениях, обратилась в ЦИК с данным вопросом, но ответ не получила, поэтому, как отмечал М.М. Исаев, вопрос перешел Союзному Совнаркому.

⁶⁴ Там же. С. 15.

«Иные преступления против порядка управления» вошли в отдельную 2 главу УК.

Развитие уголовного законодательства в 1930-е гг. нужно рассматривать через 2 вектора: анализ УК 1926 (взято издание на октябрь 1935 г.) и проекты УК рассматриваемого периода.

Если рассматривать издание УК 1935 г., заметим, что изменения касались дополнения кодекса новыми составами⁶⁵, структура главы оставалась прежней.

Что касается отдельных актов, то в период после кодификации их количество уменьшилось по сравнению с периодом 1917-1922 гг., поскольку были принятые кодифицированные акты, а также стали известны и получили закрепление практически все «проявления» противников власти Советов, поэтому необходимость в многочисленных подзаконных актах отпала.

Однако законы по отдельным уголовным составам принимались, например, постановление ЦИК и СНК СССР от 31 мая 1935 г. «Об уголовной ответственности за незаконный выпуск ценных бумаг и денежных суррогатов»⁶⁶, декрет ВЦИК 19 ноября 1923 г. «Об облегчении участия крестьян, совершивших преступления, караемые ст. 99 УК, до издания Лесного кодекса»⁶⁷, постановление ЦИК и СНК СССР 14 августа 1925 г. «О шпионаже, а равно о собирании и передаче экономических сведений, не подлежащих оглашению»⁶⁸, постановление ЦИК и СНК СССР 27 декабря 1927 г. «О мерах к усилению борьбы с самогоноварением»⁶⁹, постановление ЦИК и СНК СССР 29 марта 1935 г. «О мерах борьбы с хулиганством»⁷⁰, постановление ЦИК и СНК СССР от 22 августа 1932 г. «О борьбе со спекуляцией», которое требовало «всячески искоренять перекупщиков и спекулянтов»⁷¹ и др. Уголовный кодекс 1926 г. не охватывал и не мог охватить все общественно-опасные деяния, поэтому

⁶⁵ См. «гл. 3» настоящей работы.

⁶⁶ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952 гг. / под ред. И.Т. Голякова. М., 1953. С. 383.

⁶⁷ Там же. С. 169.

⁶⁸ Там же. С. 212.

⁶⁹ Там же. С. 237.

⁷⁰ Там же. С. 381.

⁷¹ Там же. С. 336.

законодатель «реагировал» изданием акта, предусматривающего ответственность за то или иное общественно-опасное деяние.

Некоторые акты носили принципиальный характер, например, уже упомянутое нами положение «О преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления)» от 1927 г., в котором наиболее полным образом был закреплен раздел о государственных преступлениях того периода; постановление ЦИК от 8 июня 1934 г. «О дополнении Положения о преступлениях государственных статьями об измене Родине»⁷², в котором возвращается термин «наказание»; в соответствии с постановлением ЦИК СССР от 2 октября 1937 г. за особо опасные государственные преступления (шпионаж, вредительство, диверсия) увеличивался срок наказания с 10 до 25 лет лишения свободы⁷³. Для усиления борьбы с наиболее опасными преступлениями ЦИК и СНК СССР 8 августа 1936 г. принимают постановление о дополнении ст. 13 и 18 «Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик»⁷⁴, согласно этому постановлению наиболее опасные преступники могли быть приговорены к лишению свободы в виде заключения в тюрьму. 2 октября 1937 г. постановлением ЦИК СССР в изменение ст. 18 «Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик»⁷⁵, в целях дальнейшего развертывания борьбы со шпионажем, вредительством, с попытками организации взрывов, крушений и другими диверсионными актами было установлено лишение свободы на срок до 25 лет.

Итак, к концу 1920-х гг. уголовное законодательство было полностью кодифицировано, однако, 23 марта 1929 г. Совнарком вынес постановление о необходимости нового проекта УК, где записал: «Предложить НКЮ разработать и не позднее февраля 1930 г. внести в СНК РСФСР проект нового УК»⁷⁶. Крыленко Н.В. говорил о необходимости нового УК уже с 1927 г⁷⁷.

⁷² Там же. С. 344.

⁷³ Там же. С. 396.

⁷⁴ СЗ 1936 г. № 44. Ст. 370.

⁷⁵ СЗ 1937 г. №66.

⁷⁶ Эстрин А.Я. Развитие советской уголовной политики. 1933. С. 239.

⁷⁷ Крыленко Н.В. Пора! // Революция права. 1927. №4. С. 88.

Проекты уголовного законодательства в 1930-е гг. условно можно разделить на те, что разрабатывались до 1936 г., и те, что разрабатывались после (рубежом выступает Конституция 1936 г., которая послужила юридической базой для творческой законодательной деятельности советского государства того периода⁷⁸).

Выделим причины разработки проектов УК в 1930-е гг. (в т. ч. в контексте государственных преступлений).

Во-первых, стоит отметить, что в 1930-е гг. государственные преступления, как и в годы гражданской войны, играли особую роль в связи с, как выражался А.Я. Эстрин, «новой обстановкой настоящего этапа»⁷⁹, т. е. историческими условиями, в частности, угрозу возникновения войны в Европе осознавали все, снова встал вопрос «кто-кого»⁸⁰, о вредительстве со стороны кулаков также было известно⁸¹. Например, в колхозе им. «Куйбышева» Здвинского района кулацкая группа оставила колхоз на 1938 г. без семян, сорвала строительство крытых токов, отчего погибло 420 центнеров хлеба, направила государству заведомо непригодное зерно, зараженное клещом, вызвала массовый невыход на работу⁸². Необходимость борьбы с такими «явлениями» в мотивировке не нуждается.

Во-вторых, конституционная причина. По Конституции 1936 г. предполагалось создание общесоюзных уголовного, гражданского, процессуальных кодексов (п. «х» ст. 14). На первой научной сессии Всесоюзного института юридических наук секции уголовного права доклады ученых начинались со слов соответствия проекта требованиям Конституции 1936 г., которая закрепила новый

⁷⁸ Аржанов М. Некоторые научные проблемы права в период перехода к коммунизму // Советское государство и право. № 2. 1939. С. 128.

⁷⁹ Эстрин А.Я. Указ. соч. С. 243-244.

⁸⁰ См.: Пашуканис Е.Б. Основные проблемы марксистской теории права и государства // Советское государство и революция права. 1931. № 1. С. 11.

⁸¹ См.: Арыкова Н.И. На втором совещании местных судебно-прокурорских работников // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 48. С. 1127.; Авербах И.Л. От преступления к труду / Под ред. А.Я. Вышинского. 1936. С. 16.

⁸² Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939: Документы и материалы. В 5 тт. / Т. 5. 1937—1939. Кн. 2. 1938—1939 / Под ред. В. Данилова. М., 2006. См.: Информационные сводки обл. суда №21 «О работе судебных органов Новосибирской обл. по уборочной и хлебозаготовительной кампании 1938 г.» от 10 октября 1938 г. С. 276.

социалистический строй. 1 декабря 1937 года Галустян, секретарь ЦИК Армянской ССР, писал Наркомюсту СССР: «Просим сообщить производится ли систематизация вообще действующего законодательства Союза ССР *под углом приведения его в соответствие со Сталинской конституцией* (курсив мой – Н.Д.) и, в частности, по отдельным правовым вопросам, как например по жилищному, колхозно-земельному и т.д.»⁸³.

В-третьих, издание многочисленных законодательных актов (ранее перечислены) и проведение реформ требовали обобщения⁸⁴.

Так, до 1936 г. было разработано три проекта⁸⁵:

1. Проект, составленный Институтом советского строительства и права Комакадемии под руководством Н.В. Крыленко;

2. Проект Красикова-Галкина, который активно поддерживал А.Н. Винокуров;

3. Проект, составленный Е.Г. Ширвиндтом совместно с группой профессоров.

Проект под руководством Н.В. Крыленко. В разработке данного проекта участвовали Е.Г. Ширвиндт, А.Н. Трайнин, А.А. Пионтковский, Б.С. Утевский, С.П. Мокринский и др⁸⁶. Проект не предполагал деления на Общую и Особенную части, он содержал следующие разделы: «Особо опасные преступления и меры классового подавления» и «Преступления менее опасные и меры принудительно-воспитательного воздействия». Все контрреволюционные преступления входили в первый раздел, против порядка управления - в зависимости от степени общественной опасности входили и в 1, и во 2 разделы.

Второй проект Галкина—Красикова. Все преступления разделялись на две категории (ст. 9): «посягательства против политического и хозяйственного

⁸³ ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 1. Д. 1475. Л. 8.

⁸⁴ См.: Крыленко Н.В. Три проекта реформы Уголовного кодекса // Советское государство и революция права 1931. № 1. С. 82-83.

⁸⁵ Волков Г.И. О проекте нового Уголовного кодекса // Социалистическая законность. № 3. 1937. С. 13.

⁸⁶ Крыленко Н.В. Три проекта реформы... С. 105.

строя Союза классовых врагов пролетариата» и «остальные преступления», совершаемые «неустойчивыми элементами общества, либо случайными правонарушителями, по бытовым и узко личным мотивам»⁸⁷.

Третий проект разрабатывался комиссией Государственного института по изучению преступности и преступника (ГИПП) под руководством Е.Г. Ширвиндта. Данный проект предполагал новые методы - запрещение посещать места общественного отдыха и неопределенные приговоры⁸⁸, стоял, как и второй проект, на «дозировке репрессии».

Все три проекта были признаны неудачными.

Проекты УК после 1936 г. В соответствии с п. х) ст. 14 Конституции 1936 г. «установление основ законодательства о судоустройстве и судопроизводстве, основ гражданского и уголовного законодательства находилось в ведении Союза». Этим вызвана проектная деятельность после 1936 года⁸⁹. Были даже идеи о составлении УК в полном соответствии со структурой Конституции⁹⁰.

Комиссией, в состав которой входили А. Герцензон, Б. Ошерович, Н.М. Рычков, И.Т. Никитченко, В.В. Ульрих, С.П. Бернштейн, И.М. Файнблит, А.А. Пионтковский и др.⁹¹ был разработан новый проект УК СССР к 1939 г.

Для нас интерес представляет Особенная часть проекта. На первом месте находился раздел «преступления государственные», который включали три главы⁹²:

1. Преступления контрреволюционные;
2. Преступления против социалистической собственности;
3. Преступления против государственного порядка и безопасности.

⁸⁷ Там же. С. 31.

⁸⁸ Там же. С. 109.

⁸⁹ Волков Г.И. О проекте нового... С. 11.

⁹⁰ См.: Труды Первой научной сессии Всесоюзного института юридических наук 27 января - 3 февраля 1939 г. / Под ред. И.Т. Голякова М., 1940. С. 173-174.

⁹¹ Сорокина А.В. Проект Уголовного кодекса 1939 г.: Общая характеристика Особенной части // Вестник Томского государственного университета. Право. №27. 2018. С. 95.

⁹² См.: Труды Первой научной сессии...

1 и 3 главы известны предыдущим уголовным кодексам, что касается 2, в нее были включены только те хищения социалистической собственности, которые были предусмотрены законом от 7 августа 1932 г. Были предложения все виды хищений социалистической собственности рассматривать как государственное преступление. Против чего выступал А.А. Герцензон⁹³. М.Д. Шаргородский считал политически нецелесообразным нахождение статей, предусматривающих действия против социалистической собственности, в одной главе («Государственные преступления»), а против общественной и личной – в другой («Имущественные преступления»)⁹⁴. Отметим, что выделение закона от 7 августа 1932 г. в отдельный раздел УК было обусловлено его практическим значением, статистика преступности, составленная Маньковским Б. содержала: а) лиц, осужденных по преступлениям против порядка управления; б) по должностным преступлениям; в) по имущественным преступлениям и, наконец, г) по закону от 7 августа 1932 г.⁹⁵. Глава II раздела I Особенной части проекта УК СССР давала выработавшуюся в пятилетней практике применения закона 7 авг. 1932 г. дифференциацию различных видов преступлений против социалистической собственности⁹⁶. Отметим, что помещение хищений вслед за контрреволюционными преступлениями было известно еще Декрету о суде №1 1917 г. (п.8).

В проекте 1939 г. к государственным относились лишь «Преступления против государственного порядка и безопасности», в свою очередь, «Преступления против порядка управления и общественной безопасности» составили раздел 5.

Важно отметить, что, как и в предыдущий период, на уголовную политику значительную роль оказали воззрения конкретных персон. На IV Всероссийском съезде деятелей советской юстиции Н.А. Черлюнчакевич выступил с докладом, в котором отметил, что проекте будет учтено мнение всех работающих в сфере

⁹³ Герцензон А.А. Труды первой научной сессии Всесоюзного института юридических наук. Тезисы доклада тов. А.А. Герцензона. Основные принципы и положения проекта уголовного кодекса Союза ССР. М., 1939. С. 153.

⁹⁴ Шаргородский М.Д. Труды Первой научной сессии Всесоюзного института юридических наук 27 января - 3 февраля 1939 г. / Под ред. И.Т. Голякова М., 1940. С. 175.

⁹⁵ Маньковский Б. Вопросы Уголовного права в период перехода от социализма к коммунизму // Советское государство и право. № 3. 1939. С. 88.

⁹⁶ Волков Г.И. О проекте... С. 16.

советского права⁹⁷. Вместе с тем, уголовное законодательство периода НЭПа в основе содержало далеко не только «оплот фантазии» советских деятелей юстиции, но и 4-х летнюю практику работы судебных органов⁹⁸. Как отмечал А.А. Герцензон: «УК 1922 г. явился выкристаллизованным опытом борьбы с преступностью предыдущих лет»⁹⁹.

Революционная законность в послекодификационный период стала пониматься иначе. На первом этапе произошел «сдвиг» уголовного закона в сторону «революционной законности», под которой теперь понималась стабильность закона: издаются уголовные кодексы советских республик, закрепившие в системе уголовного законодательства точные составы преступлений и конкретные санкции по ним, создаются основы общесоюзного уголовного законодательства. Первоначально глава о государственных преступлениях в УК 1926 г. вошла без изменений. В 1927 году было предложение исключить раздел о контрреволюционных преступлениях, на которое Д.И. Курский ответил «Отныне с контрреволюционными преступлениями советская Республика будет бороться *путем закона* (курсив мой – *Н.Д.*)»¹⁰⁰, т.е. тенденция осталась той же, что и при принятии кодекса 1922 г. Как было отмечено, советская власть в предыдущий период делала ставку на народное правотворчество, что было признано ошибкой, поскольку такое понимание «революционной законности» привело к массовым злоупотреблениям, расхождениям на практике, породило «казанскую» и «калужскую» законность¹⁰¹. А.А. Сольц указывал: «если мы до сих пор в сочетании этих двух слов — «революционная законность» — больше всего напирали на первое, то сейчас мы должны не меньше подчеркивать и второе»¹⁰².

К изложенному следует, видимо, добавить, что даже при таком подходе, принцип «nullum crimen sine lege» не был «непоколебим». Интерес в этом отношении представляет слово «всякое» в ст. 57, ст. 74 УК 1922 года. А.С. Тагер по

⁹⁷ Черлюнчакевич Н.А. IV Всероссийский съезд деятелей советской юстиции (26-30 января 1922 г.). Стеногр. отчет. М., 1922. С. 15.

⁹⁸ Там же. С.16.

⁹⁹ Герцензон А.А. Труды первой научной сессии... С. 144.

¹⁰⁰ Курский Д.И. На путях развития советского права. М., 1927. С. 56-57.

¹⁰¹ Герцензон А.А. Труды Первой научной сессии... С. 501.

¹⁰² Сольц А.А. Указ. соч. С. 4.

этому поводу писал, что не удалось порвать с прежними суждениями, законодатель вновь встал на ту точку зрения, что суд, будучи обязан карать деяния, указанные в особенной части Кодекса, вместе с тем имеет право карать и всякое поведение граждан, которое по тексту Кодекса не наказуемо. Однако, как показывает анализ практики, правоприменитель к этим статьям, как к самостоятельным, обращался крайне редко, как правило, они служили дополнительной мотивировкой к квалификации того или иного деяния в качестве государственного преступления.

На втором этапе развития уголовного законодательства тенденция по упрочнению «революционной законности» продолжилась. Государство принимало очевидные меры к ее укреплению, в 1932 г. было издано постановление ЦИК и СНК СССР «О революционной законности». О режиме законности говорилось и в Конституции, например, ст. 113 закрепила: «Высший надзор за точным исполнением законов (курсив мой – Н.Д.) всеми Министерствами и подведомственными им учреждениями...». Вместе с тем существовала целая сфера, в которой беззакония, принявшие чудовищные формы, развивались в громадных размерах¹⁰³. Так или иначе, происходит отход от идеи «революционного правосознания». И.В. Сталин писал: «стабильность законов нужна нам теперь больше, чем когда бы то ни было»¹⁰⁴. Стали исходить из позиции, что социалистическое правосознание живет в каждом судье, но им же, социалистическим правосознанием, продиктованы и статьи закона¹⁰⁵, о чем А.Я. Вышинский говорил еще в 1933 году¹⁰⁶.

В 1939 г. вопрос законности в ученых кругах стоял очень остро, на уголовной секции сессии Всесоюзного института юридических наук 27 января - 3 февраля подавляющее большинство докладчиков уделили внимание этому вопросу,

¹⁰³ История отечественного государства и права в 2 ч. Ч. 2 / Под редакцией О. И. Чистякова. М., 2016. С. 120.

¹⁰⁴ Сталин И.В. Доклад о проекте Конституции СССР. Партизат, 1938. С. 23.

¹⁰⁵ См.: Волков Г.И. О проекте... С. 14.

¹⁰⁶ См.: Вышинский А.Я. Революционная законность и задачи Советской защиты / Доклад на собрании Московской коллегии защитников 21 декабря 1933 года. М., 1934.

в частности, институту аналогии в проекте УК¹⁰⁷. Однако, даже в 1939 г., необходимость твердого закона признавали не все: оставалось представление, что внутренняя жизнь общества будет регулироваться нормами не правового характера, в то время, как юридические нормы будут направлены на враждебные действия капиталистического окружения¹⁰⁸. Ясно, что основу юридических норм, в таком случае, составляли государственные преступления.

Таким образом, модернизацию уголовного законодательства обусловили, во-первых, криминологические факторы (преступность, ее причины, условия, превенция, эффективность профилактики), во-вторых, уголовно-политические (целевые направления борьбы с преступностью), изменение политических задач на разных этапах приводило к изменению уголовного закона. Однако общим направлением в этот период явилось возвращение в «русле законности», постепенный отход от социологической школы. Источниками уголовной отрасли права стали крупные систематизированные акты - уголовные кодексы союзных республик, а также законодательство Союза ССР.

¹⁰⁷ См.: Труды Первой научной сессии... С. 170-194.

¹⁰⁸ Аржанов М. Некоторые научные проблемы права в период перехода к коммунизму // Советское государство и право. № 2. 1939. С. 132.

ГЛАВА 2. Понятие и сущность государственных преступлений.

§1. Ограничное и расширительное толкование понятия «государственные преступления».

Понятие «государственные преступления» упоминались еще в Положении «О Чрезвычайных комиссиях на местах» (п. г) ч. 4), принятом на Всероссийской Конференции Чрезвычайной Комиссии 11 июня 1918 года¹⁰⁹, однако самого определения в этом законе не было, тоже касается и последующих кодифицированных актов, отсутствует оно и в положении «О преступлениях государственных» от 25 февраля 1927 года. М.М. Исаев писал о том, что во время принятия ст. 3 УК 1922 г. сессией ЦИК, никто не задумывался над содержанием понятия «государственное преступление»¹¹⁰. Законодатель ограничился определением контрреволюционных преступлений и против порядка управления.

Определение «государственного преступления» мы можем найти в трудах деятелей юстиции. Д.И. Курский под «преступлениями против рабоче-крестьянского правительства» понимал - призыв к открытому сопротивлению или неповиновению рабоче-крестьянскому правительству¹¹¹.

М.А. Чельцов-Бебутов писал: «Советское законодательство считает политические преступления наиболее тяжкими. Контрреволюционный мотив не смягчает, а отягчает ответственность, выявляя высокую степень антиобщественности правонарушителя»¹¹². Представляется, что определение государственных преступлений через «высокую степень антиобщественности» очень удачно, это является главным признаком отнесения законодателем того или иного состава к данной категории.

Между тем, необходимо разграничить понятия «политические преступления» и «государственные». Обратим внимание, что автор, называя преступления

¹⁰⁹ Первая Всероссийская конференция чрезвычайных комиссий. Вступительное слово члена Коллегии ВЧК Г.Д. Закса при открытии 1-й конференции чрезвычайных комиссий. 11 июня 1918 г.

URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/45442-pervaya-vserossiyskaya-konferentsiya-chrezvychaynyh-komissiy-vstupitelnoe-slovo-chlena-kollegii-vchka-g-d-zaksa-pri-otkrytii-1-y-konferentsii-chrezvychaynyh-komissiy-11-iyunya-1918-g> (дата обращения 05.11.2024).

¹¹⁰ Исаев М.М. Основные начала уголовного законодательства СССР. М., 1927. С. 14.

¹¹¹ Д. И. Курский. На путях развития Советского права. 1927. С. 45.

¹¹² Чельцов-Бебутов М.А. Уголовный кодекс РСФСР в оценке Западных криминалистов // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 18. С. 544.

«политическими», указывал на контрреволюционный мотив. Б. Ошерович утверждал, что в эпоху буржуазных революций имели место не контрреволюционные преступления, а политические преступления, так как объектом первых является диктатура пролетариата, а объектом вторых — классовое господство буржуазии¹¹³. Г. Тельберг считал, что «понятие «государевы дела» шире понятия политического преступления»¹¹⁴.

Представляется, что вопрос лишь в толковании. С точки зрения узкого подхода понятием «политические преступления» охватываются деяния, совершаемые по политическим мотивам, а с точки зрения широкого подхода - все преступления, совершаемые в области государственного управления, иными словами - в политической сфере¹¹⁵. Как уже было отмечено, М. Чельцов-Бебутов указывал на контрреволюционный умысел политических преступлений, что не характерно для преступлений против порядка управления (см. ниже). Контрреволюционные преступления можно отнести к политическим в узком смысле этого понятия. Так, советскими учеными указывалось: «это чисто политическое содержание и чисто политическая цель контрреволюционного действия отличает его от всякого другого социально-опасного действия»¹¹⁶. В этом смысле, понятие «политическое преступление» уже термина «государственное преступление», так как глава о государственных преступлениях контрреволюционными не ограничивается. Что касается советской практики, термин «государственное преступление» выступал синонимом к понятию «политическое преступление»¹¹⁷.

С одной стороны, сущность категории «государственные преступления» выражена в защите завоеваний пролетарской революции, искоренении буржуазного элемента из социалистического общества, отсюда указание в качестве обя-

¹¹³ Вышинский А.Я. XVIII съезд ВКП(б) и задачи науки социалистического права // Советское государство и право. № 3. 1939. С. 20.

¹¹⁴ См.: Тельберг Г.Г. Политический суд в Московском государстве XVII века // Вопросы права. № 3. Кн. 7. М., 1911. С. 181.

¹¹⁵ Вышинский А.Я. XVIII съезд ВКП(б) и задачи науки социалистического права // Советское государство и право. № 3. 1939. С. 20.

¹¹⁶ Карницкий Д.А., Рогинский Г., Строгович М. Уголовный кодекс РСФСР. Постатейный комментарий. М., 1931. С. 49.

¹¹⁷ Волков Г.И. Классовая природа преступлений и советское уголовное право. 1935. С. 24.

зательного признака на контрреволюционный мотив во всех диспозициях 1 раздела главы о государственных преступлениях. Контрреволюционные составы служили средством борьбы с «деклассированными элементами», считалось, что карательная политика по этим делам была политически выдержанной¹¹⁸.

Отметим, что роль закона, как «средства достижения целей политического характера»¹¹⁹, не является чем-то особым – власть действовала в условиях чрезвычайного положения, противники большевиков «с оружием в руках выступали против, вели кампанию против хлебной монополии, против мер борьбы со спекуляцией и т. д.»¹²⁰, на что и последовал ответ. Здесь защита завоеваний proletарской революции рассматривалась как защита общественного интереса.

Г.И. Волков указывал, что «преступления совершаются по мотивам, индивидуально перерабатываемым психикой каждого преступника по-своему»¹²¹. В этом отношении, в разделе о контрреволюционных преступлениях «идеологическая задача» того периода, несомненно, прослеживается. Об этой же идее писали Я.Н. Бранденбургский¹²², А.А. Пионтковский¹²³. Но, даже рассмотрение с такой точки зрения, не позволяет говорить лишь о субъективно-идеологическом государственном интересе контрреволюционных составов. «Идеологический (политический) интерес» был представлен как интерес всего общества, власти пролетариата, следовательно, сущность государственных преступлений в тот период заключалась в неразрывной связи между интересами личности и государства.

Стоит заметить, что в проекте Уголовного уложения 1918 г. раздел «Преступления против государства и государственного управления» находился на первом месте после общих положений, а «Преступления против личности» в четвертом разделе. Это позволило некоторым ученым утверждать, что такое распо-

¹¹⁸ На втором совещании местных судебно-прокурорских работников // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 48. С. 1129.

¹¹⁹ Зорин А.В. Политическая преступность: криминалистический анализ. Дисс. канд. Юр. наук. СПб., 2018. С. 30.

¹²⁰ Адоратский А. Октябрьская революция и диктатура пролетариата в меньшевистском освещении // Революция права. 1927 г. № 4. С. 64.

¹²¹ Волков Г.И. Классовая природа преступлений... С. 24.

¹²² См.: Бранденбургский Я.Н. Что февральская сессия ЦИК СССР решила по вопросам уголовного законодательства // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 10. С. 274.

¹²³ См.: Пионтковский А.А. Советское уголовно право. Особенная часть. Т.2. 1928. С. 33.

ложение связано «с советской общеполитической и уголовной идеологией, основанной на принципе преобладания коллективных, общественных интересов над потребностями отдельного человека»¹²⁴, нам такой подход кажется не совсем правильным.

Представляется, человек и интересы государства и общества - «логическая цепь». Защищая человека и пренебрегая интересами общества и государства, машина «замкнется», не сможет функционировать. Теория о «человеке в центре правовой системы» во многом навязана демократической доктриной, которую нельзя переносить на все исторические эпохи, интересы общества и государства в контексте государственных преступлений должны рассматриваться в одной плоскости. Поэтому мысль о том, что глава о государственных преступлениях в УК была чем-то похожим на инструмент угнетения для «продавливания» государством своих идеологических идей - «Приоритет защиты государственных интересов отвечал требованиям политической и уголовной идеологии, господствующей в советском государстве»¹²⁵ - не совсем верная. Можем ли мы говорить о том, что личность, общество не заинтересованы в стабилизации ситуации? В эффективной работе государственного аппарата? Нормальном функционировании денежной системы? Национальной безопасности?

«Решение» этих вопросов предусмотрено в главе о государственных преступлениях. Приведем пример: Приговором Новгородского губсуда от 18 января 1927 г. гражданин Чупятов был приговорен к высшей мере социальной защиты - расстрелу. Было установлено, что Чупятов является вором-рецидивистом. В числе других преступлений совершил совместно с невыясненным соучастником разбойное нападение с целью ограбления на следовавшую из села в город почту, открыв при этом стрельбу по сопровождающим почту лицам. Ранее он уже судился и из исправдома бежал. УКК Верхсуда в частном определении указала

¹²⁴ Щелконогова Е.В. Советское уголовное уложение и Уголовный кодекс РФ: сравнительно-правовой анализ. // Российский юридический журнал. 2016. С. 128.

¹²⁵ Трошкина Д.Э. Указ. соч. С. 537.

суду, что деяния Чупятова подлежат квалификации по 59.4 ст. УК РСФСР (бандитизм)¹²⁶. Представляется, что интерес общества и личности заключается в защите от подобных лиц со стороны государства. Видимо, причина помещения государственных преступлений перед разделом прав личности обусловлена особой степенью их социальной значимости, общественной опасности.

Итак, с другой стороны, сущность государственных преступлений выражается в объективном публичном интересе, защите и обеспечении нормального функционирования судебного, финансового, оборонного аппарата. Борьба с преступлениями, посягающими на нормальное функционирование государственной машины характерна не только для советского государства, но и для любого другого, говорить о «приоритете личности, гарантии прав и свобод» в условиях де-стабилизации государственного аппарата не приходится; это «фундамент» для прав и свобод граждан. Более того, как известно, государственные преступления включали в себя еще и преступления против порядка управления, для которых мотив не является необходимым элементом состава. В этом отношении необходимо отметить, что преступления против государства не есть государственные преступления. Последние включают первые, но ими не исчерпываются.

Как уже было указано, сущность государственных преступлений выражалась не только в «укреплении диктатуры пролетариата», но и защите общества и человека, которые были тесно связаны в условиях господствующей концепции социализма.

Более того, изменение главы «Государственные преступление» часто было обусловлено общественными «запросами»: индустриализация страны привела к резкому расширению объемов промышленного производства. Однако очень скоро возникла проблема не только количества, но и качества выпускаемой продукции. В связи с этим, уже в 1933 г. ЦИК И СНК СССР резко подняли уголовную ответственность за выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции.

¹²⁶ Разъяснение Пленума Верхсуда РСФСР от 7 марта 1927 г. // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 15. С. 468.

Таким образом, категория государственных преступлений формировалась под воздействием как объективных, так и субъективных факторов. Объективные критерии выражаются в необходимости любого государства обеспечить стабильность и нормальное функционирование аппарата. Субъективные факторы характеризуются защитой большевистской идеологии, необходимостью выявления контрреволюционного мотива в ряде составов, но и этот критерий в тех условиях был социально обусловлен.

§2. Общее определение и признаки контрреволюционных преступлений.

Советский законодатель уже в первых декретах использовал понятие «контрреволюционные преступления», в п. 8 декрета «О суде» от 22 ноября 1917 г. говорилось: «Для борьбы против контрреволюционных сил в видах принятия мер ограждения от них революции и ее завоеваний»¹²⁷. Далее в постановлении ВЦИК от 5 января 1918 г., под контрреволюционными преступлениями понималась «всякая попытка со стороны кого бы то ни было, или какого бы то ни было учреждения присвоить себе те или иные функции государственной власти»¹²⁸.

В 1919 г. законодатель разработал отдельные контрреволюционные составы, так, в декрете ВЦИК от 20 июня 1919 г. «Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении» закреплено «право непосредственной расправы (вплоть до расстрела)» за ряд преступлений. Декрет упоминал участие с контрреволюционной целью в поджогах и взрывах¹²⁹. В положении «О революционных трибуналах» 1919 г. о контрреволюционных действиях говорилось «идущие против всех завоеваний Октябрьской революции и направленные к ослаблению силы и авторитета советской власти»¹³⁰.

¹²⁷ СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.

¹²⁸ СУ РСФСР. 1918. № 14. Ст. 202.

¹²⁹ Герцензон А.А., Меньшагин В.Д., Ошерович Б.С., Пионтковский. Уголовное право. Государственные преступления. 1938. С. 12.

¹³⁰ Там же.

В УК РСФСР 1922 г. контрреволюционное преступление характеризовалось следующим образом: «ст. 57. Контрреволюционным признается всякое действие, направленное на свержение завоеванной пролетарской революцией власти рабоче-крестьянских Советов и существующего на основании Конституции РСФСР Рабоче-Крестьянского Правительства, а также действия в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и т.п. средствами»¹³¹. Первоначальный проект УК не знал части про международную буржуазию, она в последствии была добавлена по указанию В.И. Ленина¹³², что объяснялось политической целесообразностью¹³³.

В проекте кодекса 1926 г. СНК под контрреволюционными преступлениями понимались – «преступления, угрожающие основам советского строя»¹³⁴.

В УК РСФСР 1926 г. определение было следующим: «58.1. Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти Рабоче-Крестьянских Советов и существующего на основании Конституции Р.С.Ф.С.Р. Рабоче-Крестьянского Правительства, а также действия в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и т.п.

Контрреволюционным признавалось также и такое действие, которое, «не будучи непосредственно направлено на достижение вышеуказанных целей, тем не менее, заведомо для совершившего его, содержит в себе покушение на основные политические или хозяйственные завоевания пролетарской революции»¹³⁵.

¹³¹ СЗ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

¹³² Герцензон А.А., Меньшагин В.Д., Ошерович Б.С., Пионтковский. Уголовное право... С. 12.

¹³³ См.: Пояснительная записка к проекту Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. // Еженедельник советской юстиции. 1925. № 38-39. С. 1236.

¹³⁴ Исаев М.М. Основные начала уголовного законодательства СССР. М., 1927. С. 59.

¹³⁵ СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

Мы видим, что состав был значительно расширен: 1) помимо свержения власти, появились подрыв и ослабление; 2) появилась часть, предполагающая квалификацию по данному составу с эвентуальным умыслом, без контрреволюционной цели. Советские ученые объясняли такое расширение появлением новых скрытых форм контрреволюционной деятельности¹³⁶, в результате чего требовалась «эластичность карательной политики»¹³⁷. Юридическое значение статьи 58.1 заключалось в том, что она давала общее определение понятия «контрреволюционное преступление», это родовой состав, в то время как «остальные статьи обрисовывали состав отдельных контрреволюционных преступлений»¹³⁸. К норме, как правило обращались, чтобы «вскрывать истинный смысл той или иной статьи о контрреволюционных преступлениях»¹³⁹, дальнейшие статьи «конкретизировали это общее понятие»¹⁴⁰. Закрепление в обоих УК (1922 г. и 1926 г.) родовых составов также объясняется потребностью оперативного решения вопросов, которые ставили революция, война и др. обстоятельства.

Наиболее полным образом в рассматриваемый период понятие контрреволюционных преступлений отразилось в положении «О преступлениях государственных» от 25 февраля 1927 года.

Оно состоит из следующих элементов: 1) посягательство на внешнюю безопасность Союза ССР; 2) посягательство на основные национальные завоевания пролетарской революции; 3) посягательство на другое государство трудящихся, хотя бы и не входящее в Союз ССР.

Издание УК на октябрь 1935 г. ст. 58.1 изменений не претерпела. В этот период развитие понятия «контрреволюционного преступления» характерно для отдельных составов. Например, 21 ноября 1929 г. постановлением ЦИК СССР был издан специальный закон, который квалифицировал как измену перебежку

¹³⁶ Герцензон А.А., Меньшагин В.Д., Ошерович Б.С., Пионтковский. Уголовное право... 1938. С. 14.

¹³⁷ Крыленко Н.В. Вопросы юстиции на II сессии ВЦИК X созыва // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 27. С. 615.

¹³⁸ Уголовный кодекс. Практический комментарий / Под ред. Гернета М.Н., Трайнина А.Н. М., 1927. С. 84.

¹³⁹ Там же. С. 77.

¹⁴⁰ Учебное пособие по советскому уголовному праву. Составлено кафедрой уголовного права всесоюзной правовой академии / Под ред. Б.С. Утевского. М., 1938. С. 189.

в лагерь врагов рабочего класса¹⁴¹; 7 августа 1932 г. был издан закон «об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации, и укреплении общественной (социалистической) собственности»¹⁴².

В 1929 г. Н. Немцев писал о «полной переоценке обычных, уже сложившихся взглядов судебно-следственных органов на признаки контрреволюционных преступлений»¹⁴³. Как писал С. Мокринский: «Слова изнашиваются медленнее, чем покрываемое ими содержание»¹⁴⁴. Причина такой переоценки коренится в исторических предпосылках – проведении коллективизации, «выкорчевывании корней капитализма в стране»¹⁴⁵.

В уже упомянутом нами проекте УК Комакадемии в ст. 22 под контрреволюционным преступлением понималось «всякое действие сознательно направленное или объективно способствующее свержению или ослаблению диктатуры пролетариата, подрыву социалистического строительства и основных политических, хозяйственных и национальных завоеваний пролетарской революции, а равно обороноспособности и внешней безопасности Союза ССР»¹⁴⁶.

В проекте 1939 г. контрреволюционные преступления были определены в ст. 52 следующим образом: «Контрреволюционным преступлением признается всякое действие или бездействие, направленное к свержению или ослаблению установленной Конституцией СССР власти советов депутатов трудящихся, социалистической системы хозяйства и социалистической собственности, основных политических и национальных завоеваний пролетарской революции и внешней безопасности СССР»¹⁴⁷.

Определение контрреволюционных преступлений также содержится в доктрине. Так, А. А. Пионтковский писал: «Контрреволюционная преступность пе-

¹⁴¹ Там же. С. 250.

¹⁴² Там же. С. 335-336.

¹⁴³ Немцев Н. Революционная законность и работа суда в реконструктивный период // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 47. С. 1102.

¹⁴⁴ Мокринский С. Меры Уголовного кодекса // Еженедельник советской юстиции. 1926. № 16. С. 483.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Крыленко Н.В. Три проекта реформы Уголовного кодекса с прил. Проекта УК ИССП при Комакадемии. М., 1931. С. 57.

¹⁴⁷ ГАРФ. Ф. Р-9492 Оп. 1 Д. 1503 Л. 104.

риода диктатуры пролетариата является выражением сопротивления, после переворота, лопающейся капиталистической оболочки, персонифицированной в капиталистической буржуазии и ее классовых союзниках»¹⁴⁸. В 1930-е гг. контрреволюционные преступления определялись как действия, «направленные против данного установленного революцией нового государственного и общественного порядка»¹⁴⁹.

А.Я. Вышинский считал, что движение и преступления против всякой революции есть контрреволюционное движение и контрреволюционные преступления¹⁵⁰.

Сущность контрреволюционных преступлений описана А. А. Пионтковским: «Активная борьба этих групп против пролетариата под политической гегемонией представителей финансового капитала дает содержание контрреволюционной преступности в пролетарском государстве»¹⁵¹.

В 1923 году упомянутый нами автор также сформулировал «теоремы», определяющие интенсивность контрреволюционной преступной деятельности, представляется, что из подобного понимания исходил законодатель при конструировании норм о контрреволюционных преступлениях:

(I) Интенсивность контрреволюционной преступности периода диктатуры пролетариата обратно пропорциональна зрелости трансформируемых капиталистических отношений.

(II) Интенсивность контрреволюционной преступности периода диктатуры пролетариата прямо пропорциональна степени резкости вторжения плановой общественно-хозяйственной системы пролетариата в мелко-буржуазные товарно-капиталистические отношения¹⁵².

Выделим признаки контрреволюционных преступлений:

¹⁴⁸ Пионтковский А.А. Преступления в социалистическом обществе // Советское право №2(5). 1923. С. 23.

¹⁴⁹ Карницкий Д.А., Рогинский Г., Строгович М. Уголовный кодекс РСФСР. Постатейный комментарий. М., 1931.

¹⁵⁰ Вышинский А.Я. XVIII съезд ВКП(б) и задачи науки социалистического права // Советское государство и право. № 3. 1939. С. 21.

¹⁵¹ Пионтковский А.А. Преступления в социалистическом обществе... С. 23-24.

¹⁵² Пионтковский А.А. Преступления в социалистическом обществе... С. 25.

1. Действие. Под которым стоит понимать, как активные действия, так и пассивные (бездействие). Однако были исключения из данного принципа, так, в 1934 году УК дополняется ст. 58.1в, в соответствии с которой ответственности подлежали члены семьи изменника Родины, если они жили с ним совместно или находились на иждивении;

2. Формальный состав - не требуется, чтобы указанные последствия действительно наступили. Например, гражданин А. начал формировать отряд с целью поднять вооруженное восстание против власти Рабоче-Крестьянского Правительства и в период формирования отряда был задержан. В действиях гражданина А. имеется полный состав контрреволюционного преступления¹⁵³;

3. Особый объект посягательства – власть рабоче-крестьянских советов¹⁵⁴;

4. Стремление к свержению, подрыву или ослаблению власти;

5. Подрыв или ослабление внешней безопасности СССР;

6. Подрыв или ослабление основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции.

Что понималось под «завоеваниями пролетарской революции»? а) в политическом отношении — система советской власти, б) в хозяйственном отношении — овладение хозяйственной жизнью страны и регулирование ее в смысле постепенного и планомерного перехода к коммунистической системе; в) в национальном отношении — широкая автономия и свободное развитие, отдельных национальностей, входящих в населения Союза ССР¹⁵⁵.

7. Наличие контрреволюционного умысла.

Здесь необходимо остановиться подробнее. Так, советские ученые указывали, что вышеперечисленные признаки могут быть не только в контрреволюционных преступлениях, однако иные деяния не предусматривали непосредственное целенаправленное посягательство на установленный

¹⁵³ Уголовный кодекс. Практический комментарий / Под ред. Гернета М.Н., Трайнина А.Н. М., 1925. С. 79.

¹⁵⁴ См.: Меньшагин В.Д. Преступления против порядка управления. 1938 г. С.4.

¹⁵⁵ Там же. С. 85.

революцией государственный порядок¹⁵⁶. Приведем пример: «1. В тех случаях, когда корреспондент принадлежит к рабоче-крестьянской организации, например, к Коминтерну, Компартии, профсоюзу и т. п. и когда совершение, а также организация убийства его имела место в контрреволюционных целях (ч. 2 ст. 58 УК), то данное преступное деяние надлежит квалифицировать по ст. 64 УК (58.8 УК РСФСР 1926 г. – добавлено мной – Н.Д.) 2. Когда убийство корреспондента было совершено из других низменных побуждений и вообще чисто личных целей, то таковое карается, но ст. 142 У. К.»¹⁵⁷. Верховный суд (далее – ВС) СССР, комментируя ст. 58.8, указывал: «избиение палками до смерти коммуниста на почве злобы к нему, как к защитнику советской власти и как вредному элементу для кулаков, должно квалифицироваться по ст. 58.8, а не по 142».

Контрреволюционный мотив впервые появился не в диспозиции статьи УК 1922 г., попытка закрепить в качестве обязательного признака контрреволюционный умысел прослеживается еще в Постановлении СНК «О набатном звоне» от 3 августа 1918 года: «1. Виновные в созыве населения набатным звоном, тревожными гудками, рассылкой гонцов и т. п. способами, с контрреволюционными целями (курсив мой – Н.Д.), предаются Революционному Трибуналу».

Между тем, отступления от нормы были – судебная практика, впоследствии подкрепленная постановлением Пленума ВС СССР от 26 июля 1927 г., считала контрреволюционными не только преступления, где совершивший их действовал с прямо поставленной контрреволюционной целью¹⁵⁸. Пленум Верховного суда (далее ВС) ССР дал разъяснение данной статье: «под контрреволюционными действиями следует понимать: а) действия, упомянутые в указанных статьях в том случае, когда совершивший их действовал с прямо поставленной контрреволюционной целью; б) те же действия, когда совершивший их, хотя бы

¹⁵⁶ Карницкий Д.А., Рогинский Г., Строгович М. Уголовный кодекс РСФСР... С. 48.

¹⁵⁷ Курский Д.И. О делах об убийствах сельских и рабочих корреспондентов // Еженедельник советской юстиции. 1924. № 45. С. 1092.

¹⁵⁸ Там же. С. 49.

я не ставил прямо контрреволюционной цели (курсив мой – Н.Д.), однако, сознательно допускал их наступление или должен был предвидеть общественно-опасный характер последствий своих действий»¹⁵⁹.

Стоит отметить, что такая возможность отражена и в диспозиции ст. 58.1 кодекса 1926 г.: «Контрреволюционным признается также и такое действие, которое, *не будучи непосредственно направлено на достижение вышеуказанных целей* (курсив мой – Н.Д.) ...», т.е. деяния без прямого контрреволюционного умысла¹⁶⁰. Этим положением УК РСФСР 1922 г. был дополнен в 1923 г. Формально исключен эвентуальный умысел из состава контрреволюционного преступления будет только в положении «О преступлениях государственных» 1927 г., однако на практике этого не произошло.

Споры по этому поводу велись в 1927 г., Украинская ССР внесла поправку, сводившуюся к тому, чтобы не признавать контрреволюционным преступление, совершенное не с прямым умыслом, но ни сессия, ни комиссия ЦИК с этим не согласились¹⁶¹.

Как было отмечено, в УК РСФСР издания 1935 г. статья 58.1 не претерпела изменения. Интерес представляет проект УК, разработанный под руководством Н.В. Крыленко, ст. 22 которого закрепляла: «Контрреволюционным признается всякое действие, сознательно направленное или *объективно способствующее свержению* (курсив мой – Н.Д.) или ослаблению диктатуры пролетариата», т.е. контрреволюционный мотив не является обязательным элементом состава, признание деяния, относящимся к этой категории преступлений, может выразиться в наличие причинения существенного вреда объектам, охраняемым главой.

К изложенному следует, видимо, добавить еще один признак контрреволюционных преступлений – особо суревые «меры социальной защиты». Красиков в своем докладе отмечал: «Наша карательная политика, ее суровость и вся ее

¹⁵⁹ Винокуров А.Н. Разъяснение XVIII Пленума Верховного Суда Союза ССР // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 02. С. 64.

¹⁶⁰ См.: Ганин А.А. Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года в вопросах и ответах: Практический комментарий на основе судебной практики Верхсуда РСФСР и циркуляров НКЮ до 1 июля 1927 г. М., 1927. С. 55.

¹⁶¹ Бранденбургский Я.Н. Что февральская сессия ЦИК СССР решила по вопросам уголовного законодательства // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 10. С. 274.

репрессивность всегда прямо пропорциональны тому натиску и тем нападениям, которые мы ощущаем извне и от внутренних контрреволюционных сил»¹⁶².

Таким образом, контрреволюционные преступления не были чем-то «абстрактным», они предусматривали конкретные составы, признаки. Например, дело о контрреволюционной группе зиновьевцев (Зиновьев Г.Е., Каменев Л.Б., Евдокимов Г.Е, Бакаев И.П. и др.) закончилось обвинительным заключением по статьям 58.8, 58.11, несмотря на то, что показания Рейнгольда, одного из участников группы, сводились к следующему: «Главное, на чем сходились все участники блока, было... признание необходимости консолидации всех сил для овла-дения партийным руководством»¹⁶³, вынесенный приговор не позволяет говорит лишь о политическом подавлении оппозиции, в ходе следственных действий было установлено, что «центром был организован ряд практических мероприя-тий по убийству тт. Сталина, Ворошилова, Жданова, Кирова, Косиора, Кагано-вича, Орджоникидзе и Постышева»¹⁶⁴, что говорит о полном выполнении состава преступления ст. 58.8 (террористические акты против представителей советской власти), 58.11 (организационная деятельность, направленная на совершение контрреволюционного преступления). Отметим, что в тему нашей работы не вхо-дит оценка и анализ процессуальных действий (сбора доказательств и т.д.), оценка именно материальной части приговора, его оснований позволила сделать вышеуказанные выводы.

§3. Общее определение и признаки преступлений против порядка управления.

В первых декретах советской власти определение преступлений против по-рядка управления мы не обнаружим, издавались лишь документы, закрепляющие

¹⁶² Isaev M.M. Основные начала уголовного законодательства СССР. М., 1927. С. 24.

¹⁶³ Обвинительное заключение по делу: Зиновьева Г.Е., Каменева Л.Б. и др., обвиняемых в преступлениях, преду-смотренных ст. ст. 58.8, 19.58.8, 58.11 УК РСФСР. Саратов., 1936. С. 6.

¹⁶⁴ Там же. С. 49.

отдельные составы. Более того, на первых порах законодатель четко не разграничивал контрреволюционные преступления и против порядка управления. Например, постановлением ВЦИК «О подсудности революционных трибуналов» от 6 октября 1918 г. деяния, посягающие на порядок управления, были отнесены к контрреволюционным преступлениям¹⁶⁵.

В ст. 74 УК РСФСР 1922 г. закреплено определение преступлений против порядка управления: «Преступлением против порядка управления признается всякое действие, направленное к нарушению правильного функционирования подчиненных органов управления или народного хозяйства, сопряженное с сопротивлением или неповиновением законам советской власти, с препятствованием деятельности ее органов и иными действиями, вызывающими ослабление силы и авторитета власти».

В УК РСФСР 1926 года диспозиция претерпела изменения: «ст. 59.1. Преступлением против порядка управления признается всякое действие, которое, *не будучи направлено* (курсив мой – Н.Д.) непосредственно к свержению советской власти и Рабоче-Крестьянского Правительства, тем не менее, приводит к нарушению правильной деятельности органов управления или народного хозяйства и сопряжено с сопротивлением органам власти и препятствованием их деятельности, неповиновением законам или с иными действиями, вызывающими ослабление силы и авторитета власти».

Представляется, что изменения были с целью разграничения контрреволюционных преступлений и против порядка управления (законодатель исключил мотив как элемент состава).

В Положении «О преступлениях государственных» от 25 февраля 1927 года, в разделе «Об особо опасных для Союза преступлениях против порядка» это отражено наиболее четко: «15. Особо опасными для Союза ССР преступлениями против порядка управления признаются те *совершенные без*

¹⁶⁵ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952 гг. / под ред. И.Т. Голякова. М., 1953. С. 35-37.

контрреволюционных целей (курсив мой – Н.Д.) преступления против порядка управления...».

В последующем все преступления против порядка управления были разделены на две группы. Постановлением сессии ЦИК СССР III созыва 25 февраля 1927 г.¹⁶⁶ из преступлений против порядка управления были выделены, представляющие наибольшую опасность - «Особо для Союза ССР опасные преступления против порядка управления», которые находились в ведении Союза. Все остальные преступления против порядка управления отнесены в группу «иных преступлений против порядка управления» и подлежали ведению республик. Первая группа находилась в главе о государственных преступлениях, вторая – в отдельной главе.

В доктрине под преступлениями против порядка управления понимались «такие преступления, которые, не посягая непосредственно на основы существующего государственного устройства и социального уклада, расстраивают или грозят расстроить подчиненный государственный аппарат», действия «смуты» и действия, которые опасны для государственного порядка¹⁶⁷.

На основании чего в одну главу помещаются самые разнообразные составы (погром, вооруженное сопротивление, неплатеж налогов, подделка денежных знаков и т.д.)? А.В. Щербаков пишет: «отсутствовало достаточно ясное представление о круге действий, подлежащих включению в эту группу»¹⁶⁸. Отнесение тех или иных преступлений к категории «против порядка управления» объясняется автором следующим образом: «все действия, так или иначе затрагивающие интересы государства и непосредственно не являющиеся «контрреволюционными», стали именоваться преступлениями против порядка управления»¹⁶⁹.

Чтобы разобраться в данном вопросе, необходимо выделить признаки преступлений против порядка управления:

¹⁶⁶ Там же. С. 218-220.

¹⁶⁷ Ордынский С.П. Преступления против порядка управления. М., 1924. С. 3-4.

¹⁶⁸ Абуталипов А.Р., Ильджеев А.А. К вопросу о юридической природе преступлений против порядка управления в уголовном праве России // Вестник Казанского юридического университета МВД России. № 1 (15). 2014. С. 48.

¹⁶⁹ Щербаков А.В. Российское уголовное законодательство о преступлениях против порядка управления // Бизнес в законе. 2009. С. 127.

1. Особый объект посягательства - функционирование государственного аппарата, под которым понималась правильная деятельность аппарата управления, органов управления или народного хозяйства. Отсутствие такого родового признака не позволяет квалифицировать деяние как преступление против порядка управления¹⁷⁰. Деяния, предусмотренные данным разделом – это те, которые расстраивают деятельность правительственные органов, колеблют их авторитет, препятствуют правильной работе¹⁷¹, выражаются в противодействии гражданами деятельности органов власти, осуществляющих публичные функции¹⁷².

2. Отсутствие контрреволюционного мотива. Различные мотивы – корысть, нежелание считаться с нормами правопорядка и т.д., главное - не *прямое намерение* свергнуть или ослабить советскую власть¹⁷³.

3. Как правило, преступления против порядка управления – умышленные, но могли быть и неосторожные¹⁷⁴.

4. Материальный состав - обязательно наступление последствий. Если действия не вызывали ослабление силы и авторитета власти, даже, если они носили характер сопротивления, они не могли быть квалифицированы как преступления против порядка управления. Причина должна быть достаточной для того, чтобы наступило следствие¹⁷⁵.

5. Важно отметить, что в рассматриваемых составах имелся ввиду подрыв авторитета, ослабление власти *в целом*, ни конкретного должностного лица, ни отдельного органа, для таких ситуаций предусмотрены другие главы.

6. Важно отметить еще одну особенность, характерную как для преступлений против порядка управления, так и для контрреволюционных - особый судебный порядок. Постановлением ВЦИК 6 октября 1918 г. дела по обвинению в контрреволюционной деятельности были отнесены к подсудности

¹⁷⁰ Ривлин Э.С. Ответственность за неисполнение обязательств по договорам с госорганами // Еженедельник советской юстиции. 1925. № 11. С. 268.

¹⁷¹ Ордынский С.П. Указ. соч. С. 3

¹⁷² Карницкий Д.А., Рогинский Г., Стrogович М. Уголовный кодекс РСФСР... С. 49.

¹⁷³ См.: Меньшагин В.Д. Преступления против порядка управления. 1938 г. С. 4., Ордынский С.П. Указ. соч.

¹⁷⁴ Карницкий Д.А., Рогинский Г., Стrogович М. Уголовный кодекс РСФСР... С. 49.

¹⁷⁵ Ордынский С.П. Указ. соч. С. 5.

ревтрибуналов¹⁷⁶. Решения трибуналов обжалованию не подлежали. Декретом ВЦИК «Об объединении всех революционных трибуналов» от 23 июня 1921 г. был создан единый Верховный ревтрибунал как Кассационная инстанция.

Положение «О судоустройстве» 1922 г. закрепило единую судебную систему из четырех звеньев, государственные преступления по общему правилу рассматривались губернскими судами, в отношении военнослужащих – военными трибуналами. Также военным трибуналам подлежали лица, обвиненные в шпионаже¹⁷⁷.

В соответствии с законодательством право на рассмотрение дел о государственных преступлениях имели органы госбезопасности. ВЧК имело право на внесудебные репрессии, первоначально это приговоры, которые определяли такие санкции, как публикация списков врагов народов, лишение продовольственных карточек и т.п., но 5 сентября издается декрет «О красном терроре», по которому органы ВЧК получили возможность выносить приговоры вплоть до высшей меры. 6 февраля 1922 на месте комиссии образовано ГПУ (позже ОГПУ). Декретом ВЦИК 16 октября 1922 г. ГПУ при НКВД также получило право внесудебных репрессий вплоть до расстрела. 10 июля 1934 г. в соответствии с постановлением ЦИК СССР органы государственной безопасности вошли в НКВД. Право на внесудебные репрессии было сохранено за ОСО при НКВД СССР. 27 мая 1935 года для внесудебного рассмотрения дел были созданы областные тройки НКВД.

В 1930-е гг. наблюдается тенденция на упрощение судопроизводства, в частности по делам о государственных преступлениях – постановлением ЦИК от 1 декабря 1934 г. вносятся изменения в УПК: дела о террористических актах и контрреволюционных преступлениях следствию теперь надлежало заканчивать не более чем за 10 дней, свое обвинительное заключение вручать за сутки до рассмотрения дела в суде. Ни кассационное обжалование, ни подача ходатайства о

¹⁷⁶ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952 гг. / под ред. И.Т. Голякова. М., 1953. С. 35-37.

¹⁷⁷ Гернет М.Н., Гродзинский М.М., Жижиленко А.А. и др. Уголовный кодекс. Практический комментарий М. 1925. С.80.

помиловании по ним не допускались, и приговор к высшей мере приводился в исполнение немедленно. В сентябре 1937 г. этот порядок был распространен на вредительство и диверсии (с правом на помилование).

Таким образом, составы о преступлениях против порядка управления советский законодатель закрепил в первых же декретах. Основные усилия по изменениям раздела были направлены на разграничение преступлений контрреволюционных и против порядка управления.

Преступления против порядка управления явились теми составами, которые способствовали недопущению воспрепятствования функционирования аппарата новой власти.

ГЛАВА 3. Структура и составы государственных преступлений.

§1. Изменения структуры законодательства о государственных преступлениях. Сравнительно-правовой анализ.

Рассмотрим структуру главы «О государственных преступлениях» в соответствии с ранее обозначенными нами периодами.

Первый этап (1917-1922 гг.). После октября 1917 года выступления против власти Советов, мятежи, заговоры, шпионаж, вредительство и т.д. сразу были объявлены контрреволюционными деяниями. Для анализа изменения структуры на данном этапе рассмотрены акты по отдельным вопросам в области государственных преступлений, проект Уложения 1918 г., «Руководящие начала» 1919 г.

Законы в этот период принимались преимущественно в связи с конкретными политическими событиями и не были, как правило, рассчитаны на долгосрочное действие¹⁷⁸. Этап характеризуется противостоянием различных политических сил, это период проведения Октябрьской революции и гражданской войны. От форм проявления контрреволюционного сопротивления зависело и развитие структуры о государственных преступлениях. Например, бойкоты рабочих, чиновников на предприятиях не могли не породить такой состав, как саботаж; поход Керенского и Краснова на Петроград – вооруженное восстание; убийство Володарского, Урицкого, покушения на Ленина – террористический акт и т.д. Первоначально структура не была четкой, организованной, например, декрет «О суде» №1 лишь закреплял ряд составов: мародерство, хищничество, саботаж и прочие « злоупотребления торговцев, промышленников, чиновников». Нет необходимости перечислять все акты, отражающие те или иные деяния, систематизированной структуры государственных преступлений ни в одном из них на этом этапе мы не обнаружим; была, однако, попытка установления системы контрреволюционных

¹⁷⁸ История отечественного государства и права в 2 ч. Ч. 2 / Под редакцией О. И. Чистякова. М., 2016. С. 34.

преступлений в постановлении Кассационного отдела ВЦИК от 6 октября 1918 г.¹⁷⁹. В постановлении даны составы государственных преступлений, которые составили Особенную часть УК (саботаж, шпионаж, спекуляция, хулиганство).

В 1919 г. принимаются Руководящие начала, в которых отдельных составов государственных преступлений мы не найдем. Однако стоит обратить внимание на п. 11) раздела III: «При определении меры воздействия на совершившего преступление, суд оценивает степень и характер (свойство) опасности для общежития как самого преступника, так и совершенного им деяния. В этих целях суд - во 1-ых, не ограничиваясь изучением всей обстановки совершенного преступления, выясняет личность преступника, поскольку таковая выявила в учиненном им деянии и *его мотивах* (курсив мой – Н.Д.) ...». Как было отмечено ранее, мотив будет служить в качестве отличительного признака контрреволюционного преступления в кодифицированном законодательстве. Также интерес представляет п. 12 того же раздела, в котором говорится о «качествах» личности, так, законодатель обращает внимание на деяние, совершенное лицом, принадлежащим к имущему классу, с целью восстановления, сохранения или приобретения какой-либо привилегии, связанной с правом собственности, как известно, подобные деяния в кодексах будут составлять часть главы «Государственные преступления».

Таким образом, в данный период четкой структуры государственных преступлений нет. Между тем, разрозненные законодательные акты были подобны стеклам разнообразных «форм», «цветов», соединив которые, законодатель сконструировал «мозаику» (систематизированный УК).

Второй этап (1922-1925 гг.) характеризуется постепенным переходом на мирную работу и восстановлением хозяйства, в связи с этим меняются и формы контрреволюционной деятельности, а вместе с ними и структура. Принимается первый уголовный кодекс 1922 г., который закрепил стройную систему Особенной части, с точными составами преступлений и с конкретными санкциями. УК

¹⁷⁹ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952 гг. / под ред. И.Т. Голякова. М., 1953. С. 35-37.

РСФСР 1922 г. предусматривал деление государственных преступлений на контрреволюционные и против порядка управления.

Стоит отметить, что в 1923 г. на сессии ВЦИК обсуждались изменения УК, были идеи, которые отражения в законе не получили, например, Семашко предлагал сессии целый ряд новых статей Уголовного Кодекса. Они касались преступлений, связанных с фальсификацией продуктов, с распространением знахарства, шарлатанства, венерических болезней и т. д.¹⁸⁰

В Конституции СССР 1924 г. было закреплено, что ведению Союза подлежит установление основ уголовного законодательства, поэтому принимаются Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик.

Третий этап (1926-1927 гг.). Рассматриваемый этап развития структуры государственных преступлений мы связываем с принятием УК 1926 г., а также с Положением «О преступлениях государственных» 1927 г. Раздел «О преступлениях контрреволюционных» подвергся особо тщательному и радикальному пересмотру, так как этот раздел в соответствии со ст. 3 «Основных начал» выдвигается НКЮ в порядке законодательной инициативы в качестве общесоюзного закона¹⁸¹. Обратим внимание, что издание УК 1926 г. было не столько количественной модификацией, сколько качественной.

В 1927 году прошла февральская сессия ЦИК СССР, на которой рассматривались вопросы уголовного законодательства. Постановлением 3 сессии ЦИК СССР III созыва 25 февраля 1927 г. контрреволюционные и особо для Союза ССР опасные преступления против порядка управления были отнесены к преступлениям государственным. Положение о преступлениях государственных содержало как общее определение контрреволюционных и особо опасных преступлений против порядка управления (ст. 15 Положения), так и перечень конкретных составов этих преступлений. Положение о преступлениях государственных на основании ч. 1 ст. 3 Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и

¹⁸⁰ См.: Вопросы юстиции на II сессии ВЦИК X созыва // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 27. С. 615.

¹⁸¹ Иодковский А.Н. Пересмотр Уголовного кодекса // Еженедельник советской юстиции. 1925. № 29. С. 984.

союзных республик 1924 г. подлежало включению в уголовные кодексы союзных республик без каких-либо изменений и дополнений. Положение о государственных преступлениях было принято без значительных изменений¹⁸².

Четвертый этап (1928-1935 гг.) развития структуры государственных преступлений характеризовался общим увеличением составов, это период проведения коллективизации сельского хозяйства. Рассмотрено изменение структуры в УК 1926 г. в издании на октябрь 1935 г.; проекты УК, принятые до Конституции 1936 г.

Н.В. Крыленко в 1929 г. писал о принципах пересмотра УК, считал, что после изложения в Общей части ряда принципиальных положений, должна следовать вводная статья к общей классификации преступлений. Далее, по мнению автора, должны были идти преступления контрреволюционные, затем особо опасные против порядка управления. Проект УК Комакадемии включал разделы: «Особо опасные преступления и меры классового подавления» и «Преступления менее опасные и меры принудительно-воспитательного воздействия». Все контрреволюционные и некоторые против порядка управления входили в первый раздел.

Пятый этап (1936-1941 гг.). Конституция 1936 года стала основой для творческой законодательной деятельности советского государства того периода¹⁸³, законы, проекты УК после 1936 г. разрабатывались в соответствии с принципами, провозглашенными в Конституции (стабильность, единство закона и др.). На первой научной сессии Всесоюзного института юридических наук упор в докладах ученых был сделан на роль социалистического закона в деле охраны прав личности¹⁸⁴.

Рассмотрим проект УК СССР, представленный в 1939 г. Классификация преступлений в системе Особенной части проекта отличается от классификации,

¹⁸² Бранденбургский Я.Н. Что февральская сессия ЦИК СССР решила по вопросам уголовного законодательства // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 10. С. 274.

¹⁸³ Аржанов М. Некоторые научные проблемы права в период перехода к коммунизму // Советское государство и право. № 2. 1939. С. 128.

¹⁸⁴ См.: Пиониковский А.А. Труды первой научной сессии...

принятой в предшествующих уголовных кодексах. Первый раздел назывался «Государственные преступления» и состоял из 3 глав: 1 – контрреволюционные преступления; 2 – преступления против социалистической собственности; 3 – преступления против государственного порядка и безопасности¹⁸⁵. Интерес представляет 2 глава, она включала статьи о хищении общественной, социалистической собственности, о похищении, растрате и мошенническом присвоении социалистической собственности и о покупке похищенного государственного или общественного имущества. Менее опасные случаи входили в отдельную статью о похищении, растрате и мошенническом присвоении общественной, социалистической собственности с санкцией менее суровой, чем санкция закона 7 августа. Однако, несмотря на отсутствие инкорпорации закона от 7 августа 1932 г. в УК РСФСР 1926 г., учеными отмечалось, что посягательства им предусмотренные должны быть отнесены к государственным¹⁸⁶. Третья глава раздела о государственных преступлениях— «Преступления против государственного порядка и безопасности» содержала в себе преступления, которые в УК 1926 г. назывались «Особо для СССР опасными преступлениями против порядка управления»¹⁸⁷.

Таким образом, анализ законодательства о государственных преступлениях в исследуемый период позволяет нам сделать вывод, что на первом этапе четкой структуры государственных преступлений создано не было, упорядоченная структура впервые отразилась в УК РСФСР 1922 г., а в дальнейшем изменения скорее касались отдельных составов (дополнение УК новыми составами, исключение устаревших норм).

¹⁸⁵ ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 1. Д. 1503. Л. 89.

¹⁸⁶ Учебное пособие по советскому уголовному праву. Составлено кафедрой уголовного права всесоюзной правовой академии / Под ред. Б.С. Утевского. М., 1938. С. 181.

¹⁸⁷ Волков Г.И. О проекте... С. 16.

§2. Составы и классификация государственных преступлений.

Классификация государственных преступлений, неоднократно нами упомянутая, предполагала деление на контрреволюционные преступления и против порядка управления («Особо опасные против порядка управления»).

Посмотрим на классификацию, обозначенную в теории уголовного права.

А. А. Пионтковский предлагал следующую классификацию преступлений:

1. Составы преступлений, необходимые для применения уголовно-правового принуждения в целях охраны классового господства пролетариата. К данным составам автор относит контрреволюционные.

2. Составы преступлений, необходимые для применения уголовно-правового принуждения в целях самоорганизации и самодисциплины достигшего господства пролетариата. Сюда относится часть преступлений против порядка управления.

3. Составы преступлений, вырастающие на почве экономических отношений господствующего пролетариата с другими классами — крестьянством и буржуазией.

4. Составы преступлений, необходимые для применения уголовно-правового принуждения в целях охраны технического-функционирования государственного аппарата пролетарской диктатуры. К данным составам относятся должностные преступления и часть преступлений против порядка управления (такие, как сопротивление власти, самовольное присвоение власти и др.).

5. Составы общеуголовных преступлений (имущественные преступления и преступления против личности).

Классификация А.А. Пионтковского позволяет еще раз отметить, что законодатель, формулируя главу о государственных преступлениях, относил туда деяния, которые считал наиболее опасными для всего общества.

Государственные преступления делились на формальные и материальные составы:

1) Преступление считается оконченным несмотря на достижение результата. Все признаки состава будут иметь место при совершении деяния. К этой категории относятся все контрреволюционные преступления.

2) Квалификация только по достижении цели. Состав будет связан с наличием общественно опасных последствий – как правило, преступления против порядка управления.

Деление на формальные и материальные составы имело значение при определении умысла. В рассматриваемый нами период оставался дискуссионным, так и не разрешенным вопрос «Возможно ли совершение преступления с формальным составом с косвенным умыслом?».

Классификация государственных преступлений «по временной характеристике»: закрепление тех или иных преступлений в главе «Государственные преступления» свидетельствует либо об их «общем» значении, либо о значении в конкретный исторический период.

Так, с одной стороны, ряд деяний, введенных в разряд уголовно наказуемых, рассматривались законодателем, как временная мера, в связи с открытым сопротивлением противников власти Советов, то есть были обусловлены явлениями исторического периода. В введении руководящих начал 1919 г. упомянуто: «...уголовному праву, которое имеет своей задачей борьбу с нарушителями складывающихся новых условий общежития...».

На временной характер некоторых составов указывают следующие выражения: «На пленарном заседании сессии ЦИК внесено было предложение об исключении из группы контрреволюционных преступлений «контрреволюционного саботажа». Уже на самой сессии, во время общих прений, было указано на то, что *исключение такой статьи преждевременно (курсив мой – Н.Д.)*...»¹⁸⁸. Некоторые контрреволюционные преступления рассматриваются как преступления для «переходного периода»¹⁸⁹. Г. Мэрэн писал: «Те деяния, которые во время

¹⁸⁸ Бранденбургский Я.Н. Что февральская сессия ЦИК СССР решила по вопросам уголовного законодательства // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 10. С. 274.

¹⁸⁹ Эстрин А. Советское уголовное право в первом десятилетии // Советское право. 1927. № 6 (30). С. 88.

кризиса по хлебозаготовкам представляли серьезную опасность против порядка управления, в последующее время стали менее серьезными»¹⁹⁰. Пример нормы в УК: ст. 67 УК РСФСР 1922 г. «Активные действия и активная борьба против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственных должностях при царском строем». А. А. Пионтковский называл такое явление «вымиранием» отдельных контрреволюционных составов¹⁹¹.

С другой стороны, статьи, имеющие «общее» значение, т.е. характерные для любого периода и строя. Так, например, правонарушения в области государственных монополий – ст. 59.11, защищаемый этой статьей интерес — монополия внешней торговли — сомнений не вызывает¹⁹², ст. 58.10 УК РСФСР 1926 г. (шпионаж), ст. 69 (уклонение военно-обязанных от явки по мобилизации) – это вопросы национальной безопасности.

Таким образом, «скелет» государственных преступлений оставался неизменным, такие составы, как шпионаж, подрыв основ государственного строя, государственная измена, насильственный захват власти, вооруженный мятеж, разглашение государственной тайны – оставались в советском законодательстве на протяжении всего рассматриваемого периода, они составляли основу структуры законодательства о государственных преступлениях.

В основу отнесения деяний к государственным преступлениям лежали такие факторы, как их общественная опасность, особая социальная значимость, угроза всему новому строю. Целью было построение социалистического общества, усилия, сплочённость граждан должны были быть направлены на общественный интерес, поэтому посягательство на власть, государство есть посягательство на социалистическое общество, следовательно, деяние антиобщественное. По целенаправленности такого антиобщественного поведения определялись характер и степень общественной опасности, а значит, и отнесение деяния, либо

¹⁹⁰ Мэрэн Г. К пересмотру Уголовного кодекса // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 08. С. 174.

¹⁹¹ Пионтковский А.А. Преступления в социалистическом обществе // Советское право №2(5). 1923. С. 18.

¹⁹² В Всероссийский съезд деятелей Советской юстиции // Еженедельник советской юстиции. 1924. № 12/13. С. 279.

к контрреволюционным преступлениям, либо к преступлениям против порядка управления, либо к главам вне государственных преступлений.

§3. Классификация контрреволюционных преступлений.

Основываясь на родовой статье контрреволюционного преступления, можно выделить три вида:

- 1) Действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти;
- 2) Помощь международной буржуазии, стремящейся к свержению коммунистической системы;
- 3) Покушение на основные политические или хозяйствственные завоевания пролетарской революции при отсутствии целей свержения, подрыва или ослабления власти.

По причинам, побуждаемый к преступным действиям, некоторые советские правоведы делят преступления на контрреволюционные и все остальные¹⁹³, что еще раз указывает на значение, которое советские ученые придавали контрреволюционным преступлениям.

А. А. Ганин предлагал классификацию по способу достижения контрреволюционных целей¹⁹⁴:

1. Контрреволюционные действия, совершаемые с помощью контрреволюционных сил, находящихся внутри Союза (внутренняя контрреволюция);

1.1. Чисто-политическая контрреволюция;

1.2. Хозяйственная/экономическая контрреволюция. В 1927 году в УК РСФСР была включена статья об экономическом и всяком ином шпионаже¹⁹⁵. Приведем пример из практики об «экономической контрреволюции»: Некий Юсевич дважды ездил заграницу и поездки его были полностью использованы вредительской организацией, сам же Юсевич был ее членом и присутствовал на ее заседаниях. Во время командировок состоялись посещения бывших хозяев Екатерининского рудника, парижского центра. От парижского центра им было

¹⁹³ См.: Янушевич В. К пересмотру Уголовного кодекса // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 25. С. 576.

¹⁹⁴ Ганин А.А. УК РСФСР 1926 г. в вопросах и ответах. М., 1927. С. 57.

¹⁹⁵ СУ РСФСР. 1927. № 49. Ст. 330.

получено 100.000 франков. Деньги эти Юсевич перевез в СССР и передал их за вознаграждение вредительской организации. По показаниям других подсудимых, поездки Юсевича связали вредителей с парижским центром, принесли деньги на организацию¹⁹⁶.

2. Контрреволюционные действия, совершаемые с помощью внешних контрреволюционных сил.

Такая классификация полезна правоприменителю для определения наличия/отсутствия в деянии лица контрреволюционного умысла.

Классификация по видовому объекту:

1. Посягательство на внешнюю безопасность (например, ст. 58.3, 58.5, 58.10 (по УК РСФСР 1926 г.);

2. На территориальную целостность (например, ст. 58.2, 58.4 (по УК РСФСР 1926 г.);

3. На экономическую безопасность (например, ст. 58.7, 58.9 (по УК РСФСР 1926 г.);

4. На сохранность государства и идеологическое единство (например, ст. 58.8, 58.9, 58.14, 58.15 (по УК РСФСР 1926 г.);

Однако посягательства на вышеозначенные объекты были и в других разделях, поэтому классификация по объекту может быть лишь дополнительной.

§4. Классификация преступлений против порядка управления.

Э. Ферри, рассматривая общую часть УК 1926 г., отмечал в ней черты, заслуживающие полного одобрения. Достоинством автор считал проводимое в УК различие между преступлениями, направленными против основ советского строя (политическими) и считающимися, вследствие этого, более тяжелыми и всеми остальными преступлениями¹⁹⁷. Подобная классификация была отражена в Основных началах 1924 г.

¹⁹⁶ Зайцев С. Экономическая контрреволюция в Донбассе // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 26. С. 742.

¹⁹⁷ Чельцов-Бебутов М.А. Уголовный Кодекс РСФСР в оценке западно-европейских криминалистов // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 18. С. 543.

В 1926 г. раздел «О преступлениях против порядка управления» был значительно расширен по сравнению с УК 1922 г.¹⁹⁸ Раздел «Особо опасные преступления против порядка управления» был дополнен составами: ст. 59.9 (Контрабанда), 59.10. (Способствование переходу государственной границы), 59.11. (Нарушение положений, регулирующих проведение в жизнь государственных монополий).

В 1934 году раздел об особо для Союза опасных преступлениях против порядка управления был дополнен:

59.3а – похищение огнестрельного оружия;¹⁹⁹ 59.3б – разрушение путей сообщения с целью вызвать крушение поезда или судна;²⁰⁰ 59.3в - нарушение работниками транспорта трудовой дисциплины.²⁰¹

Исходя из рассмотрения изменений раздела «О преступлениях против порядка управления», мы можем заключить, что он оказался самым «нестабильным», наиболее изменяемым. А. Иодковский писал об ошибочном нахождении некоторых статей в данном разделе: «Ничем иным, как чистой случайностью, нельзя объяснить нахождение в главе о преступлениях хозяйственных статей, преследующих изготовление самогона, в главе о преступлениях против личности - статей о хулиганстве, о лжедоносе, ибо центр тяжести этих преступлений отнюдь не в посягательстве на права отдельной личности»²⁰². На вопрос «Какие деяния стоит отнести к преступлениям против порядка управления?» единого ответа не было, В.Д. Меньшагин, например, относил к преступлениям против порядка управления нарушения правил об отделении церкви от государства²⁰³.

На протяжении всего рассматриваемого нами периода составы, уже предусмотренные УК РСФСР, перемещались либо из раздела «преступления против порядка управления» в другие разделы УК, либо из других разделов в данный. Представляется, что причины были в отсутствии четкого определения объекта

¹⁹⁸ Иодковский А.Н. Пересмотр Уголовного кодекса // Еженедельник советской юстиции. 1925. № 29. С. 985.

¹⁹⁹ СУ РСФСР. 1934. № 17. Ст. 102.

²⁰⁰ СУ РСФСР. 1929. № 50. Ст. 513.

²⁰¹ СУ РСФСР. 1931. № 9. Ст. 103.

²⁰² Там же. С. 954-955.

²⁰³ Меньшагин В.Д. Преступления против порядка управления. 1938. С.10.

преступлений против порядка управления, смежности его с другими категориями преступлений.

В литературе неоднократно предлагались варианты той или иной системы для упорядочения раздела, но ни одна из них законодателем так и не была воспринята.

По проекту УК 1939 г. была предусмотрена более стройная система - преступления против «государственного порядка и безопасности» включали:

1) Сопротивление власти; 2) Бандитизм; 3) Уничтожение имущества общеопасным способом; 4) Разрушение путей и средств сообщения; 5) Обще-опасное нарушение дисциплины на транспорте; 6) Подделка ценных знаков и документов; 7) Контрабанда; 8) Незаконный переход границы; 9) Нарушение правил о международных полетах; 10) Разглашение государственной тайны; 11) недонесения о государственных преступлениях.

В проекте Комакадемии особо опасные преступления против порядка управления (ст. 24) были представлены «открытым» перечнем.

Одна из классификаций преступлений против порядка управления уже была отмечена нами неоднократно – деление на особо опасные для союза преступления против порядка управления и иные, что было закреплено в положении ЦИК «О государственных преступлениях» от 25 февраля 1927 года. Первые вошли в категорию государственных, вторые составили отдельную главу.

Предлагалась классификация по способу посягательства и объекту²⁰⁴:

1. Сопротивление власти и принуждение власти – например, ст. 59.2 УК 1926 г.;

2. Препятствование деятельности органов власти – ст. 59.3 УК 1926 г.;

Особо опасные для Союза по объекту можно разделить на преступления:

1. В сфере экономики – (например, п. 22 Положения «О государственных преступлениях» (подделка или сбыт в виде промысла поддельной металлической монеты), п. 24 (квалифицированная контрабанда), п. 26 (нарушение положений

²⁰⁴ Ганин А.А. УК РСФСР 1926 г. в вопросах и ответах. М., 1927. С. 81.

о монополии внешней торговли), п. 27 Нарушение правил о валютных операциях;

2. В сфере общественной безопасности и стабильности - (например, п. 16 (массовые беспорядки) Положения, п. 17 (бандитизм), п. 21 (пропаганда и агитация);

3. В сфере военной службы – (например, п. 18 (Отказ или уклонение от призыва к отбыванию действительной военной службы), п. 19 (уклонение от мобилизации).

По объекту преступления против порядка управления делил и А.А. Пионтковский²⁰⁵. Однако, как мы уже отметили, объект часто был смежным с другими категориями преступлений, поэтому положение его в основу данного раздела привело к его неопределенности, «расплывчатости».

²⁰⁵ См.: Пионтковский А.А., Меньшагин В.Д. Курс Советского Уголовного права. Особенная часть. Т. 1. М., 1955-1959. С. 219.

ГЛАВА 4. Квалификация государственных преступлений. Особенности судебной практики.

§1. Отличие контрреволюционных преступлений от иных составов.

Общие признаки контрреволюционных преступлений, позволяющие отличить их от иных деяний были рассмотрены нами выше. Однако, стоит отменить, что даже руководствуясь перечисленными положениями, правоприменитель зачастую допускал ошибки.

В частности, при разграничении контрреволюционных преступлений с:

1. Преступлениями против порядка управления. Сложность в разграничении преступлений против порядка управления и контрреволюционных возникала в связи со схожестью объектов. Например, непосредственным объектом посягательства при подделке денежных знаков (ст. 59.8 УК РСФСР) являлась денежная и кредитная система. Но та, же денежная и кредитная система могла быть объектом непосредственного посягательства, и при экономической контрреволюции (ст. 58.7 УК РСФСР), где говорилось о подрыве денежного обращения или кредитной системы. Или, например, непосредственным предметом посягательства при повреждении и уничтожении железнодорожных путей сообщения, о котором говорилось в ст. 59.3б УК РСФСР, являлся транспорт. Но тот же транспорт мог быть предметом посягательства и при целом ряде контрреволюционных преступлений (диверсионный акт, экономическая контрреволюция и т. д.)²⁰⁶. Однако отличия по объекту все же проводились законодателем: в контрреволюционных деяниях – основы власти, центральные органы; в преступлениях против порядка управления – подчиненные органы управления²⁰⁷.

2. По объективным свойствам также сложно провести грань между особо опасными преступлениями против порядка управления и преступлениями контрреволюционными. Различие между этими преступлениями, как уже

²⁰⁶ Герцензон А.А., Меньшагин В.Д., Ошерович Б.С., Пионтковский. Уголовное право... С. 113-114.

²⁰⁷ Гернет М.Н., Гродзинский М.М., Жижиленко А.А. и др. Уголовный кодекс... С. 104.

указывалось выше (гл. 2 наст. работы), следует искать, главным образом, в субъективных признаках.

3. Должностными: разграничение происходило по субъекту.

4. Хозяйственными: разграничение «экономических преступлений» и контрреволюционных. Некоторые советские ученые указывали, что ст. 58.7 расширительному толкованию подлежать не может, применяться должна лишь там, где контрреволюционное действие. Неправильно было бы применять статью к крупным хозяйственным преступлениям²⁰⁸.

Ошибки правоприменителя не вызывают удивление, поскольку даже на теоретическом уровне единства по данному вопросу установлено не было. Так, А. Эстрин писал, что одни и те же действия, когда они достигают особого размаха, особой интенсивности, превращаются в общественно-опасное деяние совсем иного рода, чем те же действия в обычной обстановке, при обычной интенсивности. Количество здесь переходит в качество. Автор приводит пример: «подрыв такого основного устоя нашей социалистической промышленности, как, скажем «Азнефть», составляет экономическую контрреволюцию, подрыв деятельности какого-либо одного из небольших гос заводов есть сам по себе только хозяйственное преступление». Между тем, такой подход противоречил субъективной стороне контрреволюционных преступлений.

Таким образом, по своим объективным признакам ряд контрреволюционных преступлений являлись тождественным с некоторыми особо опасными преступлениями против порядка управления, должностными и хозяйственными. Многие из этих преступлений по своему объективному значению также способствовали/могли поспособствовать ослаблению пролетарской диктатуры, как и контрреволюционное преступление. Представляется, что разграничение между контрреволюционными и другими преступлениями наиболее эффективно могло быть проведено по субъективной стороне состава преступления.

²⁰⁸ Карницкий Д.А., Рогинский Г., Строгович М. Уголовный кодекс РСФСР. Постатейный комментарий. М., 1931. С. 51.

5. Существовала еще более сложная ситуация для советского правоприменителя – смежные составы в рамках раздела «Контрреволюционные преступления». Например, ст. 58.7 (вредительство) и 58.9 (диверсия) УК РСФСР 1926 г., в этих составах субъект и объект совпадают, субъективная сторона – контрреволюционный умысел, поэтому разграничение проходило по объективной стороне.

§1.1. Проблемы элементов состава контрреволюционных преступлений.

A) Проблемы объективных признаков контрреволюционных преступлений.

За основу возьмем ст. 58.1 УК 1926 г.: «Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти Рабоче-Крестьянских Советов и существующего на основании Конституции Р.С.Ф.С.Р. Рабоче-Крестьянского Правительства, а также действия в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и т.п.

Контрреволюционным признавалось также и такое действие, которое, не будучи непосредственно направлено на достижение вышеуказанных целей, тем не менее, заведомо для совершившего его, содержало в себе покушение на основные политические или хозяйственные завоевания пролетарской революции.

Под объектом преступления в советской доктрине понимались общественные отношения. Родовым объектом контрреволюционных преступлений являлась власть Советов, завоевания пролетарской революции. Данным разделом предполагалось посягательство непосредственно на основы существующего государственного устройства, социальной организации.

Ст. 58.1 закрепляла посягательство на следующие объекты контрреволюционных преступлений:

- 1) Власть Советов;
- 2) Внешняя безопасность СССР;

- 3) Основные хозяйственые завоевания пролетарской революции;
- 4) Основные национальные завоевания пролетарской революции;
- 5) Основные политические завоевания пролетарской революции.

Объективная сторона преступления - это внешний акт общественно опасного посягательства на охраняемый уголовным правом объект. Как известно, объективная сторона включает деяние, общественно-опасные последствия и причинно-следственную связь между ними.

В диспозиции сказано о «действии», под которым понимается как активное поведение, так и пассивное. Например, контрреволюционный саботаж является преступным бездействием, тогда как экономическая контрреволюция заключается в преступных действиях.

«Покушение на основные политические или хозяйственые завоевания пролетарской революции» - усеченный состав, оконченный состав с момента покушения. Сложность вызывает разграничение «усеченных составов» и покушения. Ермолаев-Захаров до 1924 г вел торговлю мясом по патенту 3-го разряда. Подвергался неоднократно взысканиям со стороны финработников Соловьева и Лепешкина. 5 июля 1928 года Ермолаев-Захаров, встретив на ярмарке в столовой финансента Лепешкина и пом. финансспектора Майорова, набросился на последних и пытался нанести им удары имевшимся у него ножом. Лишь благодаря вмешательству хозяина столовой Ермолаева-Захарова удалось вывести из столовой. Суд квалифицировал это преступление по ст. 58.8. УКК Верхсуда переквалифицировала это преступление по 1 ч. 73 ст. УК (Хулиганские действия на предприятиях). По протесту прокуратуры дело было внесено в Пленум Верхсуда, который установил, что деяние правильно квалифицировано судом по ст. 58.8 УК, как покушение на террористический акт против представителей власти²⁰⁹. В диспозиции сказано «заведомо для совершившего его, содержит в себе покушение на ... завоевания пролетарской революции», следовательно, здесь также в разграничении участвует субъективный признак.

²⁰⁹ Разъяснение Пленума ВС СССР «О квалификации убийства финработников в связи с их служебной деятельностью». // Еженедельник советской юстиции. 1928. №49-50. С. 1266.

Наступление общественно опасных последствий не является обязательным признаком – попытка к свержению власти внешне могла выразиться в форме открытого вооруженного восстания бунта, отторжения части территории Союза ССР и т.п. Для шпионажа (ст. 58.10), например, не требуется непосредственная передача государственной тайны, достаточно факта сабирания лицом сведений с целью их дальнейшей передачи. В этой связи на практике сложность могла возникать с определением момента окончания преступления, который фактически переносился на стадию приготовления.

Диспозиция ст. 58.1 содержала возможные проявления контрреволюционного «действия»: «свержение», «подрыв», «ослабление» власти.

Таким образом, всякое действие, направленное на ослабление диктатуры рабочего класса, с объективной стороны могло заключать в себе состав контрреволюционного преступления, поэтому особенно необходимо было изучение субъективных критериев.

Б) Проблемы субъективных признаков контрреволюционных преступлений.

Контрреволюционные преступления совершались с контрреволюционной целью, то есть с намерением свергнуть, подорвать или ослабить советскую власть. Мотивами могли быть классовая ненависть, религиозные убеждения, политические взгляды, неприятие советского строя и т.п. Иные преступления совершались по различным мотивам, не связанным с политическими целями. Так, убийство или изувечение деятеля советской власти могло квалифицироваться по ст. 58.8, которое совершено по причинам его советской и общественной работы, т.е. совершено по причинам политическим. Убийство или изувечение на личной почве – из ревности, при грабеже, из-за имущественных споров и т.д. – считаться террористическим актом не могло и квалифицировалось по общеуголовной статье²¹⁰. На теоретическом уровне указывалось «одни и те же действия в различной социально-политической обстановке могут иметь и различный политический смысл»²¹¹, подобные особенности контрреволюционных преступлений не могли

²¹⁰ Карницкий Д.А., Рогинский Г., Строгович М. Уголовный кодекс РСФСР... С. 51.

²¹¹ Герцензон А.А., Меньшагин В.Д., Ошерович Б.С., Пионтковский. Уголовное право... С. 22.

не вводить в заблуждение правоприменителя, «политический смысл» не всегда можно было явно выяснить. Например, за убийство женщин, если точно было установлено, что оно произошло «на почве раскрепощения женщин» могла применяться ст. 8 положения «О преступлениях государственных» (Пост. Пленума ВС СССР №27 1929 г.)²¹².

В Циркуляре № 254 говорилось о запросе разъяснений губернских судов о том, представляет ли собой уголовно-наказуемое деяние публичное чествование лиц, осужденных или находящихся под судом за совершение тяжких государственных преступлений. Циркуляр определил – в случае, если чествование выражается в упоминании имени данного лица в молитвах, проповедях и т. п. и носит характер явной политической демонстрации против рабоче-крестьянской власти или направляется с явным намерением возбудить в населении недовольство или дискредитировать власть, оно является деянием уголовно-наказуемым. Если же эти действия не представляют из себя указанного демонстративного характера, они могут явиться основанием для постановки вопроса в исполнкоме о возможности оставления в силе договора с группой верующих, взявшими в пользование храм, ввиду нелояльного отношения к постановлениям судебной власти Республики²¹³.

Приведем пример отсутствия единого понимания судами контрреволюционного умысла. Приговором Московского губернского суда от 22 апреля 1922 г. Абрамович был признан виновным по 2 ч. 128-а УК с санкцией по 1 ч. 63 ст. и 1 ч. 58 ст. УК и приговорен к расстрелу с заменой по амнистии 1922 года десятью годами лишения свободы. Уголовно-кассационная коллегия Верховного Суда, рассмотрев кассационную жалобу и не усмотрев в деяниях Абрамовича контрреволюционных целей, переквалифицировала деяния осужденного Абрамовича по 2 ч. 63 ст. УК с санкцией по 1 ч. 105 ст. УК и заменила Абрамовичу расстрел 10-летним лишением свободы с сокращением срока наказания по амнистии 1922 года на

²¹² Уголовный кодекс РСФСР с приложением постатейно-систематизированных материалов. М., 1941. С. 143.

²¹³ Циркуляр №254 «О публичном чествовании лиц, осужденных или находящихся под судом за совершение тяжких государственных преступлений». // Еженедельник советской юстиции. 1923. №48. С. 1126.

1/3. Пленум ВС отменил определение уголовной кассационной коллегии ВС от 26 июня и оставил в силе приговор Московского губернского суда²¹⁴.

Выделим другие проблемы правоприменителя при квалификации контрреволюционных преступлений.

1. Вопрос об эвентуальном (косвенном) умысле. Возможен ли эвентуальный умысел при совершении контрреволюционного преступления? В соответствии с Постановлением Пленума ВС СССР от 26 июля 1927 г. контрреволюционные деяния считаются таковыми если: 1. Лицо предвидело и желало наступление общественно-опасных последствий (прямой умысел); 2. Лицо хотя и осознавало, но не ставило целью, однако сознательно допускало наступления общественно-опасных последствий (косвенный умысел).

Несмотря на это, дискуссия о возможности эвентуального умысла не утихала и после постановления Пленума. Между тем, даже в трудах ученых, которые однозначно писали про применение данных составов при любой форме умысла, прослеживается некоторая непоследовательность. Так, А.А. Пионтковский и Б.С. Ошерович писали: «...могут совершать не только с прямым, но и с эвентуальным контрреволюционным умыслом», далее «контрреволюционное действие совершено с прямым умыслом, т.е. с контрреволюционной целью»; при этом эти же ученые указывали на необходимость контрреволюционной цели во всех составах, предусмотренных данным разделом²¹⁵.

Постановление Пленума ВС СССР от 31 декабря 1938 г. установило, что применение ст. 58.7, 58.9, 58.14 «может иметь место лишь в тех случаях, когда обстоятельством дела установлено, что подсудимый действовал с контрреволюционной целью».

²¹⁴ Определение по протесту пом. Прокурора Республики при Верховном суде на определение УКК по делу гр. Абрамовича. // Еженедельник советской юстиции. 1924. №29. С. 686-687.

²¹⁵ А.А. Пионтковский, Б.С. Ошерович. Уголовное право. Особенная часть. М., 1939. С. 42-43. (Отметим, что в данной работе контрреволюционная цель отождествляется с контрреволюционным умыслом (С. 84)).

2. Установление «заведомости», что с практической точки зрения не всегда просто, а в условиях упрощенного судопроизводства ведет к злоупотреблениям (см. гл. 4 & 3 наст. работы).

3. Вопрос соразмерного наказания. Например, Верховный суд СССР за 1927 г. из 19 дел по ст. 58.8, поступивших из губсуда Сталинградской области, снизил меру социальной защиты в отношении 7 человек²¹⁶.

Заключаем, что главным, а порой и единственным признаком, который позволял ограничить контрреволюционное преступление от любого другого являлся контрреволюционный умысел. В этом отношении показательно постановление ВС РСФСР 29 апреля 1939 г., в котором указывалось: правоприменителю необходимо ответить на вопрос «можно ли квалифицировать бездействие и халатность, систематически проявленные обвиняемыми в работе и повлекшие за собой серьезные последствия, как должностное преступление, или же в данном случае имеет место *сознательное сопротивление нашему социалистическому строительству* (курсив мой – Н.Д.)...»²¹⁷.

§2. Отличие преступлений против порядка управления от иных составов.

1. Разграничение преступлений против порядка управления и должностных. Безусловно, должностные лица подлежали ответственности за рассматриваемые преступления. Аналогично контрреволюционным преступлениям, квалификация зависела от того, в каком качестве лицо совершило деяние – если в связи с осуществление должностных полномочий, то квалификация осуществлялась по норме главы о должностных преступлениях; если в личном качестве – возможна квалификация по норме раздела о преступлениях против порядка управления.

²¹⁶ Уголовно-судебная практика Сталинградского губернского суда (По делам, прошедшим в УКК Верхсуда за 1927 г.). // Еженедельник советской юстиции. 1928. №38-39. С. 1039.

²¹⁷ Уголовный кодекс РСФСР с приложением постатейно-систематизированных материалов. М., 1941. С. 144.

2. Разграничение имущественных преступлений и против порядка управления. Например, ст. 59.3 (бандитизм) и ч.3 ст. 167 (вооруженный разбой) УК РСФСР 1926 г., «демаркационная линия» проходила по субъекту: в первом случае – сплоченная группа, банда; во втором – отдельное лицо, либо несколько лиц, не отличающихся соорганизованностью, как при субъектном составе бандитизма.

Более того, в УК 1922 г. ряд экономических преступлений находился в главе «Хозяйственные преступления», а при создании УК 1926 г. законодатель пошел по другому пути, перенеся некоторые их составов «экономических преступлений» в главу первую («государственные преступления»), с чем были согласны не все теоретики. Например, А.А. Ганин считал нахождение таких преступлений, как спекуляция, нарушение правил регулирования торговли - недопустимым в связи с охраной объекта, не подпадающего под объект данного раздела²¹⁸. Так, в УК РСФСР 1922 г. статья о спекуляции находилась в главе о хозяйственных преступлениях, в УК 1926 г. та же статья была включена в главу о преступлениях против порядка управления.

3. Разграничение особо для Союза опасных преступлений против порядка управления и иных (характерно для периода после издания положения 1927 г. «О преступлениях государственных»). Например, ст. 59.9 – квалифицированная контрабанда и ст. 83 УК РСФСР 1926 г. - простая контрабанда. В свою очередь, УК 1922 г. закреплял состав контрабанды в ст. 97, во 2 ч. которой предусматривался квалифицирующий признак. Между тем, ВС СССР в докладе в 1925 г. упоминал, что нередки случаи формального отношения к применению 2 ч. 97 ст. УК - губсуды не редко вменяют 2 ч. ст. 97 УК к рабочим, мелким служащим и пограничным крестьянам за провоз контрабанды в ничтожном количестве, например, за провоз железнодорожным рабочим одного фунта чая, трех кусков мыла.

²¹⁸ Ганин А.А. Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года в вопросах и ответах: Практический комментарий на основе судебной практики Верхсуда РСФСР и циркуляров НКЮ до 1 июля 1927 г. М., 1927. С. 277.

4. Преступления против порядка управления и воинские. Так, военнообязанные, отказывающиеся под предлогом религиозных убеждений, привлекались к уголовной ответственности по ст. 59.4 ч. 2 УК РСФСР. Призывники, зачисленные призывными комиссиями на действительную военную службу, уклоняющиеся от явки в райвоенкомат для направления в воинскую часть, привлекались по ст. 193.7 п. «г» УК РСФСР²¹⁹.

§2.1. Проблемы элементов состава преступлений против порядка управления.

A) Проблемы объективных признаков преступлений против порядка управления.

Объектом посягательств преступлений против порядка управления, как это следует из ст. 59.1 УК РСФСР, являлись: 1) основы государственного управления Союза ССР и союзных республик и 2) основы хозяйственной мощи Союза ССР и союзных республик. При этом, если объектом посягательства в контрреволюционных преступлениях была власть Советов, то в преступлениях против порядка управления – правильная деятельность советского государственного аппарата, его органов управления.

Это те деяния, которые опасны для государственного порядка, сопряжены с сопротивлением органам власти, препятствованием их деятельности, неповиновением законам. Деяния, либо нарушают правильную деятельность органов управления, либо ослабляют силу и авторитет органов власти; либо создают такую угрозу, в противном случае применение норм соответствующего раздела не допускается. Приведем пример: С. Был признан виновным в том, что он на собрании торговцев внес предложение идти всем в губфинотдел и просить о снижении налога. ВС СССР, «принимая во внимание, что предложение это не носило ничего угрожающего и оскорбительного по адресу власти», отменил приговор за отсутствием в действиях С. уголовной наказуемости на основании ст. 4 и 5 УПК²²⁰.

²¹⁹ Уголовный кодекс РСФСР с приложением постатейно-систематизированных материалов. М., 1941. С. 145.

²²⁰ Определение УКК Верхсуда РСФСР по д. № 24236 / Сборник определений ВС СССР. 1924. С. 41-42.

С.П. Ордынский характеризовал объективную сторону преступлений против порядка управления следующими глаголами – «сопротивление», «неповинование», «препятствование»²²¹. В диспозиции родовой статьи главы содержалось указание на «иные действия», перечень открытый, однако не всякие действия можно было отнести под данную категорию, а лишь те, что «вызывают (видимо, речь идет о процессе а не о результате – Н.Д.) ослабление силы и авторитета власти»²²². Как бы то ни было, для правопримениеля это абстрактная формулировка, являющая препятствием к единству судебной практики.

Родовая статья раздела указывает на общественно-опасные последствия: «приводит к нарушению правильной деятельности органов управления...». Однако В.Д. Меньшагин отмечал, что преступление считается оконченным независимо от действительного нарушения правильного функционирования государственного аппарата²²³.

Объективная сторона могла выступать в качестве главного элемента при разграничении контрреволюционных и преступлений против порядка управления. Приведем пример: по ст. 58.13 УК РСФСР 1926 г. наказуема агитация, «выражающаяся в призывае к свержению власти Советов путем насильтственных или изменнических действий, или путем активного или пассивного противодействия Рабоче-Крестьянскому Правительству, или массового невыполнения возлагаемых на граждан воинской или налоговой повинностей»; по ст. 59.6 агитация, «заключающая призыв к совершению преступлений, предусмотренных статьями 59.2 - 59.5, а равно в возбуждении национальной вражды и розни». Т.е. призыв к свержению власти – контрреволюционное преступление, призыв к массовым беспорядкам, отказу от уплаты налогов – преступление против порядка управления. Так, в 1929 г. гражданин Лиман был осужден по ст. 54.10 УК УССР (58.13 УК РСФСР), в материалах следствия указывалось: «призывал не платить сельхоз-

²²¹ Ордынский С.П. Указ. соч. С. 5.

²²² Там же.

²²³ Меньшагин В.Д. Преступления против порядка управления. 1938 г. С. 6.

зналога, всячески старался скомпрометировать власть в глазах крестьян» - данные деяния надлежало бы квалифицировать как преступление против порядка управления, однако объективная сторона деяния Федота Панкратьевича Лимана этим не ограничивалась. Далее в протоколе читаем: «говорил о власти, что она никуда не годится, что она еврейская власть и для того, чтобы от нее избавиться необходимо всем организованно выступить» - состав для квалификации по ст. 54.10 УК УССР²²⁴.

Таким образом, объективная сторона преступлений против порядка управления заключалась, в таких посягательствах на государственный аппарат, которые ослабляли силу и авторитет власти, либо создавали угрозу такого ослабления. Сюда относились посягательства на государственный аппарат, сопряженные со всякого рода действиями, вызывающими ослабление силы и авторитета власти.

Б) Проблемы субъективных признаков преступлений против порядка управления.

Субъектом могло быть любое вменяемое физическое лицо.

С субъективной стороны преступления против порядка управления могли быть совершены умышленно и неосторожно (важно отсутствие прямого контрреволюционного умысла). Вопрос об отсутствии или о наличии контрреволюционного умысла должен быть решаем на основании фактических обстоятельств дела (например, разрушение железнодорожных путей сообщения с целью инсценировать предотвращенное крушение – против порядка управления)²²⁵. Между тем, основная правоприменительная проблема - нечеткость критериев определения умысла. На законодательном уровне было закреплено, что преступления против порядка управления отличаются отсутствием умысла нисровергнуть основы порядка государства (т.е. отсутствием контрреволюционного умысла): ст. 59.1 «не будучи направлено непосредственно к свержению Советской власти...»,

²²⁴ ОГПУ. Дело № 72443 по обвинению гр. Лимана Ф.П. 1929. С. 17. URL: <https://istmat.org/node/62902?ysclid=m7j09ouqkx131812963> (дата обращения 04.01.2025).

²²⁵ Герцензон А.А., Меньшагин В.Д., Ошерович Б.С., Пионтковский. Уголовное право. Государственные преступления. 1938. С. 116.

на практике определение наличия/отсутствия такого умысла не отличалось однобразием.

ГЛАВА 5. Общие вопросы ответственности и виды наказаний за государственные преступления.

В связи с проникновением социологической школы в уголовное право в первые годы советской власти наказание рассматривалось не как возмездие или искупление за вину, а как мера защиты общества, в данном отношении уместно выражение С. Мокринского - произошла «ломка традиционных юридических пегородок»²²⁶. Так, для того, чтобы адекватно оценить опасность состояния, руководящие начала 1919 г. давали суду неограниченное количество санкций (перечень наказаний примерный).

В Обращении Народного комиссара по Министерству почт и телеграфов от 9 ноября 1917 г. указывалось: «Правительство рабочих и крестьян не остановится ни перед чем, чтобы привести в порядок государственный механизм»²²⁷, в соответствии с постановлением Наркомата юстиции от 16 июня 1918 г.²²⁸ революционным трибуналам разрешалось применять в отношении контрреволюционеров любые наказания, включая высшую меру. Декрет ВЦИК 12 апреля 1919 г. установил: «В соответствии с этим трибуналам предоставляется ничем не ограниченное право в определении меры репрессии... Трибуналы выносят приговоры, руководствуясь исключительно обстоятельствами дела и велениями революционной совести»²²⁹. Если исходить из «лестницы преступлений и наказаний» Чезаре Беккариа, в основе которой была соразмерность между тяжестью совершенного преступления и жестокостью установленного за его совершение наказания, то становится ясно какое значение советский законодатель придавал государственным преступлениям в рассматриваемый период.

На первом этапе становления власти Советов четкая система наказаний по отношению к государственным преступникам установлена не была – в обращении СНК от 11 ноября 1917 года содержалось: «Всем спекулянтам, мародерам,

²²⁶ Мокринский С. Меры Уголовного кодекса // Еженедельник советской юстиции. 1926. № 17. С. 521.

²²⁷ СУ РСФСР. 1917. № 3. Ст. 30.

²²⁸ СУ РСФСР. 1918. № 44. Ст. 533.

²²⁹ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952 гг. / под ред. И.Т. Голякова. М., 1953. С. 44-45.

казнокрадам и контрреволюционерам-чиновникам, мешающим продовольственной работе, объявлена беспощадная борьба. Они арестуются и будут заключены в крепость Кронштадтской тюрьмы»²³⁰.

Инструкцией НКЮ от 19 декабря 1917 г. «О революционном трибунале» устанавливались следующие виды наказаний: 1) денежный штраф, 2) лишение свободы, 3) удаление из столиц, отдельных местностей или пределов Российской Республики, 4) объявление общественного порицания, 5) объявление виновного врагом народа, 6) лишение виновного всех или некоторых политических прав, 7) секвестр или конфискация (частичная или общая) имущества виновного, 8) приуждение к обязательным общественным работам. Указывалось «Меру наказания революционный трибунал устанавливает, руководствуясь обстоятельствами дела и велениями революционной совести».

Постановлением НКЮ 16 июня 1918 г. «О революционном трибунале» закреплялось: «Революционные трибуналы в выборе мер борьбы с контрреволюцией, саботажем и пр. не связаны никакими ограничениями, за исключением тех случаев, когда в законе определена мера в выражениях: «не ниже» такого-то наказания»²³¹. Однако уже Постановлением Кассационного отдела ВЦИК 6 октября 1918 г. было установлено, что «...и в этих случаях одновременно с постановлением меры суд может смягчить меру наказания, приводя мотивировку этого смягчения»²³².

В «Основных началах» 1924 г. и УК 1926 г. «меры социальной защиты» делились на судебно-исправительные, медико-педагогические и медицинские. Отдельно от них, в качестве исключительной меры, поставлена высшая мера наказания²³³. Согласно п. 2 раздела II Основных начал 1924 г. были предусмотрены две категории преступлений: а) Направленные против основ советского

²³⁰ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952 гг. / под ред. И.Т. Голякова. М., 1953. С. 13.

²³¹ Там же. С. 28.

²³² Там же. С. 35-37.

²³³ Мокринский С. Меры уголовного кодекса // Еженедельник советской юстиции. 1926. № 16. С.484.

строя, установленного в СССР волей рабочих и крестьян, и потому признаваемые наиболее опасными; б) Все остальные преступления. За первые преступления в уголовных законах Союза и союзных республик подлежал определению предел, ниже которого суд не мог назначить меру социальной защиты, по всем же остальным преступлениям подлежал определению в законе лишь высший предел. Безусловно, государственные преступления относились к первой категории.

К преступлениям, предусмотренным главой «Государственные преступления» могли быть применены все меры социально-исправительного характера (ст. 20 УК 1926 г.): а) объявление врагом трудающихся с лишением гражданства Союза С.С.Р. и обязательным изгнанием из его пределов; б) лишение свободы со строгой изоляцией; в) лишение свободы без строгой изоляции; г) принудительные работы без лишения свободы; д) поражение политических и отдельных гражданских прав; е) удаление из пределов Союза С.С.Р. на срок; ж) удаление из пределов Р.С.Ф.С.Р. или отдельной местности с обязательным поселением в иных местностях или без этого, или с запрещением проживания в отдельных местностях или без этого; з) увольнение от должности с запрещением занятия той или другой должности или без этого; и) запрещение занятия той или иной деятельностью или промыслом; к) общественное порицание; л) конфискация имущества, полная или частичная; м) денежный штраф; н) предостережение; о) возложение обязанности загладить причиненный вред. п) расстрел (ст. 21 УК 1926 г.).

В соответствие со ст. 26 УК 1926 г. меры социальной защиты медико-педагогического и медицинского характера могли быть применены судом, если он признавал несоответствующим данному случаю применение мер социальной защиты судебно-исправительного характера, а равно и в дополнение к последним, если, меры социальной защиты медико-педагогического и медицинского характера не были применены соответствующими органами до судебного разбирательства.

М. Чельцов-Бебутов считал, что для данной категории преступлений «нормальной санкцией является или высшая мера, или долгосрочная изоляция,

или, наконец, бессрочное изгнание»²³⁴. В. Янушевич писал: «в отношении особо социально-опасных преступников единственными целесообразными мерами являются физическое уничтожение и изоляция на длительные сроки»²³⁵.

Несмотря на распространенное мнение о доминирующем применении высшей меры по данным составам, статистика свидетельствует об иной ситуации. Расстрел по всем видам преступлений применяется редко: по преступлениям против порядка управления и по воинским преступлениям высшая мера наказания назначается лишь в исключительных случаях, осужденные за контрреволюцию или преступления против советской власти составили в первом полугодии 1922 г. 2% приговоренных к расстрелу, а во втором полугодии 3%²³⁶.

В свою очередь, к лишению свободы приговаривались (отдельно по полугодиям): за преступления против советской власти 47% / 68%, против порядка управления 21% / 12%²³⁷. В 1927 г., используя статистику, А. Эстрин писал: «контрреволюционные преступления у нас почти сходят на нет»²³⁸.

Декретом СНК 5 мая 1921 г. были установлены дополнительные меры - ограничение прав: а) лишение активного и пассивного избирательного права в местные Советы; б) лишение активного и пассивного избирательного права в союзные и другие организации; в) лишение права занимать ответственные должности в советских, общественных учреждениях и организациях, а равно быть заседателем в народном суде, защитником на суде и поручителем; г) лишение орденов Красного и Трудового знамени и других знаков отличия и почетных званий²³⁹.

²³⁴ Чельцов-Бебутов М. УК РСФСР в оценке западно-европейских криминалистов // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 18. С. 544.

²³⁵ Янушевич В. К пересмотру Уголовного кодекса // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 25. С. 575-576.

²³⁶ Бранденбургский Я.Н. О нашей уголовной репрессии // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 15. С. 338.

²³⁷ Там же.

²³⁸ Эстрин А. Десять лет советской уголовной политики // Революция права. 1927 г. № 4. С. 92.

²³⁹ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952 гг. / под ред. И.Т. Голякова. М., 1953. С. 93-94.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проанализировав акты по отдельным вопросам уголовной политики в области государственных преступлений, «Руководящие начала» 1919 г., УК РСФСР 1922 г., Основные начала 1924 г., УК РСФСР 1926 г., Положение «О государственных преступлениях» 1927 г., проекты УК 1930-х гг., труды советских и современных авторов в области государственных преступлений, мы пришли к некоторым выводам.

Если в 1917—1920 гг. происходило, главным образом, накопление опыта, издание актов по частным вопросам, отдельным составам государственных преступлений, то 1921—1923 гг. отмечены в истории советского права, как годы разработки и принятия кодифицированных кодексов. Впервые системно государственные преступления были закреплены в УК 1922 г.

Структура, несмотря на некоторые изменения, на протяжении рассматриваемого периода, была достаточно «жёсткой», что в очередной раз подтверждает объективное свойство государственных преступлений, которое выражается публичном интересе, защите и обеспечении нормального функционирования судебного, финансового, оборонного аппарата.

Развитие законодательства о государственных преступлениях было обусловлено, как объективными факторами, так и субъективными, которые имели тесную связь между собой. На первых этапах становления советской власти влияние на уголовную политику оказывали - 1. Идеи социологической школы права, 2. Активные выступления против власти Советов. В первые годы построения нового строя уголовное законодательство, в том числе, в области государственных преступлений, основывалось на «революционном правосознании», однако в последующий период власть отказалась от данного принципа, произошел возврат в «русле законности», от идей социологической школы законодатель также постепенно отказался, а выступления врагов советской власти приобрели иные формы, поэтому в дальнейшем развитие уголовного законодательства о государственных преступлениях происходило путём издания отдельных актов, дополнения УК новыми нормами.

На протяжении всего изученного этапа развития законодательства о государственных преступлениях менялись формулировки диспозиций, санкций, однако сущность оставалась неизменной. Особенностью государственных преступлений являлась их *социально-политическая обусловленность*, направленность на охрану основополагающих ценностей и интересов всего общества. Опираясь на рассматриваемую категорию преступлений, мы не можем ставить вопрос «Что в приоритете - государство или личность?».

Определив закономерности развития законодательства о государственных преступлениях в первые десятилетия советской власти, проанализировав факторы, повлиявшие на развитие этого законодательства, выяснив сущность государственных преступлений в рассматриваемый период, рассмотрев их признаки, особенности квалификации, виды наказаний, обратимся к современной практике по отмене приговоров, переквалификации деяний.

В Российской Федерации с 1991 года проводится работа по реабилитации жертв политических репрессий. Правовой основой для реабилитации, отмены приговоров стал ФЗ от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий»²⁴⁰.

Закон 1991 года содержит следующее: «Осуждая многолетний террор и массовые преследования своего народа как несовместимые с идеей права и справедливости...» - закономерно возникает вопрос: что подразумевается под «идеей права»? В курсовой работе мы подробно рассмотрели, какая «идея права» была заложена советским законодателем в уголовном законе, на основании чего можно сделать однозначный вывод: «идея права» тогда и сейчас – это две разные идеи; тоже касается и понятия справедливости. Мы не можем переносить принципы, доминирующие в нашем демократическом мире на ситуации того периода, это другое общество, другие обстоятельства; то, что тогда считалось преступным, представляло опасность для общества, сейчас таковым не является.

²⁴⁰ Закон РФ от 18.10.1991 N 1761-1 (ред. от 25.12.2023) «О реабилитации жертв политических репрессий» / СПС «КонсультантПлюс».

Ст. 1 закона закрепляет: «Политическими репрессиями признаются различные меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам...» - как было отмечено в работе - контрреволюционный умысел включал и политический мотив, например, упомянутое нами ранее разъяснение ВС СССР о том, что избиение палками до смерти коммуниста по политическим мотивам, как защитника советской власти, должно квалифицироваться по ст. 58.8, а не по 142. Это особенность государственных преступлений, их социально-политическая обусловленность. В этой связи кажется противоречащей ст. 3 этого же закона: «Подлежат реабилитации лица, которые по *политическим мотивам* (курсив мой – Н.Д.) были: а) осуждены за государственные и иные преступления». Еще раз отметим: политика была направлена на построение социалистического общества, приоритет личных интересов над государственными и общественными не провозглашался, интересы вовсе не противопоставлялись. В данном отношении очень показательно, что субъектом контрреволюционного преступления признавались «классовые враги народа и социализма». Следовательно, всякое посягательство на «власть пролетариата», на «власть общественную» рассматривалось как посягательство на общий интерес, как угроза обществу, поэтому социальный и политический аспект дополняли сущность государственных преступлений, а не противоречили друг другу. б) «подвергнуты уголовным репрессиям по решениям органов ВЧК, ГПУ - ОГПУ, УНКВД - НКВД, МГБ, МВД, прокуратуры и их коллегий, комиссий, «особых совещаний», «двоек», «троек» и иных органов, осуществлявших судебные функции». На тот момент - это система органов, уполномоченных на принятие данных решений, деятельность которых была регламентирована *законом*. Мы не можем отменять решения лишь на том основании, что процедура действий, перечисленных органов, предусмотренная *законом*, не соответствует принципам современного общества.

Интересно, что в статье 4 перечислены преступления, за которое лица не подлежат реабилитации, если «обоснованно осуждены судами»: измена Родине в форме шпионажа, выдачи военной или государственной тайны, перехода на

сторону врага; шпионаж, террористический акт, диверсия; совершение насильственных действий в отношении гражданского населения и военнопленных, военные преступления, преступления против мира, против человечности и против правосудия и некоторые другие.

В статье 5, напротив, признаются «*не содержащими общественной опасности действия* и реабилитируются *независимо от фактической обоснованности обвинения лица* (курсив мой – Н.Д.)». Сюда относится, например, антисоветская агитация и пропаганда. Возможно, в настоящий момент трудно представить, как агитация и пропаганда могли находиться в одной главе со шпионажем и диверсией, представлять общественную опасность, однако вспомним условия, при которых действовала эта норма: гражданская война, голод, экономический кризис, внешнеполитические угрозы и т.д. и возможные последствия, к которым приводили данные действия: остановка производства, невыполнение сельскохозяйственных работ, что сказывалось, прежде всего, на самом обществе. Агитация и пропаганда в таких условиях затрагивали вопросы национальной безопасности, обеспечения города продовольствием и проч.

Общественная опасность определяется законодателем, исходя из социальной, экономической, геополитической обстановки. Это характерно для любого периода, в т.ч. и для современного: согласно официальным данным судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за государственную измену в 2012 г. осуждено 6 человек, в 2013 г. – 4, в 2014 г. – 15, в 2015 г. – 6, в 2016 г. – 14, в 2017 г. – 4, в 2018 г. – 4, в 2019 г. – 8, в 2020 г. – 6, в 2021 г. – 14²⁴¹, в 2022 г. – 16, в 2023 г. – 39²⁴², что объясняется условиями, в которых находится РФ. УК РФ в 2022 г. был дополнен таким составом, как, например, добровольная сдача в плен (ст. 352.1)²⁴³; ст. 275 УК РФ (Государствен-

²⁴¹ Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации.

²⁴² URL: <https://www.rbc.ru/politics/17/04/2024/661fd9f39a79470998279764> (дата обращения: 16.03.2025).

²⁴³ Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 24.09.2022 N 365-ФЗ / СПС «КонсультантПлюс».

ная измена) была расширена за счет такого нового признака объективной стороны, как переход на сторону противника в условиях вооруженного конфликта или военных действий против Российской Федерации²⁴⁴. Таким образом, уголовная политика реагирует на появление обстоятельств, представляющих угрозу в тот или иной период; деяния, которые кажутся не опасными сейчас, могут представлять особую угрозу для общества в других условиях. Итак, мы рассмотрели материальную часть этого вопроса.

Существуют трудности процессуального характера, обратимся к практике по реабилитации. Например, Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 18 августа 2004 г. N 516-П04ПР²⁴⁵. Обстоятельства дела: В., неоднократно судимый, осужден по ст. 58.14 (контрреволюционный саботаж) за то, что 17 июля 1941 года совместно с заключенным Л. совершил побег из лагерного пункта. Суд переквалифицировал деяние со ст. 58.14 УК РСФСР на ст. 82 ч. 1 УК РСФСР, предусматривающую ответственность за побег из места лишения свободы, на том основании, что «в материалах уголовного дела (курсив мой – Н.Д.) не содержится доказательств того, что, совершая побег, осужденный действовал с контрреволюционным умыслом (курсив мой – Н.Д.), со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата, не приведены такие доказательства и в судебных решениях, а потому его действия по ст. 58.14 УК РСФСР как контрреволюционный саботаж квалифицированы необоснованно». Отсутствие контрреволюционного умысла в составе наиболее часто встречающееся основание для отмены приговора, переквалификации деяний. Еще пример: А., осужден по ст. 58.10 ч. 1 УК РСФСР за то, что, проживая в поселке трудпереселенцев ... 1 мая 1935 года, будучи в нетрезвом состоянии, учинил дебош, нанес коменданту К. как представителю власти (курсив мой – Н.Д.) два удара кулаком в грудь, высказывая угрозы, и одновременно в присутствии собравшихся трудпереселенцев выкрикивал контрреволюционные

²⁴⁴ Федеральный закон от 14.07.2022 N 260-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» / СПС «КонсультантПлюс».

²⁴⁵ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 18 августа 2004 г. N 516-П04ПР / СПС «Гарант».

фразы. Суд прекратил уголовное дело «за отсутствием в действиях осужденного состава преступления» по причине отсутствия со стороны А. «призывов к свержению, подрыву или ослаблению советской власти, совершению отдельных контрреволюционных преступлений»²⁴⁶.

Вместе с тем, уже в 1930-е годы указывалось на одну из процессуальных проблем в привлечении лиц к ответственности за государственные преступления, а именно – на отсутствие четкой записи проведенных следственных действий, должной мотивировки. Так, А.Я. Вышинский писал, что в практике прокуратуры отмечены случаи направления в суды дел о контрреволюционных преступлениях и, в частности, о контрреволюционной агитации, расследованных органами НКВД, без указания в материалах следствия по этим делам, в чем конкретно выражалось то или другое контрреволюционное деяние обвиняемого²⁴⁷.

Прокурор писал, что в этих случаях, как правило, в протоколах допроса обвиняемых и свидетелей описание сущности контрреволюционной деятельности заменяется ссылкой на контрреволюционный характер в общей форме: «занимался контрреволюционной агитацией». Проблема заключается в том, что при такого рода фиксировании, суды лишены возможности проверять приписываемые обвиняемому действия и судить, насколько они действительно являются контрреволюционными. Эту проблему не мог решить правоприменитель в тот период, когда, казалось бы, найти доказательства еще представлялось возможным. Сейчас же ситуация намного сложнее, опросить свидетелей, потерпевшего и т.д. по тем делам уже не получится, следовательно, сделать объективно верный вывод об отсутствии контрреволюционного умысла, основываясь только на следственных и судебных материалах, по многим делам невозможно; а даже, если представляется возможным, мы не можем быть уверены в объективности такого решения.

²⁴⁶ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 7 июля 2004 г. N 296-П2004-ПР / СПС «Консультант-Плюс».

²⁴⁷ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 18а. Д. 849. Л. 1

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Неопубликованные источники

Архивные материалы

Государственный архив Российской Федерации

Фонд Р-9492 – Министерство юстиции СССР

Опись 1. Д. 1475, 1537, 1503.

Фонд Р-5446 – Совет Министров СССР

Опись 18а. Д. 849.

Опубликованные источники

Законодательные акты

1. Известия ВЦИК Советов от 27 декабря 1918 года. № 285. Ст. 1015.
2. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952 гг. / под ред. И.Т. Голякова. М., 1953.
3. СЗ РСФСР. 1936. № 44. Ст. 370.
4. СЗ РСФСР. 1937. №66.
5. СЗ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.
6. СУ РСФСР. 1917. № 3. Ст. 29, 30.
7. СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50, 53, 64.
8. СУ РСФСР. 1918. № 14. Ст. 202.
9. СУ РСФСР. 1918. № 35. Ст. 468.
10. СУ РСФСР. 1918. № 44. Ст. 533.
11. СУ РСФСР. 1918. № 52. Ст. 589.
12. СУ РСФСР. 1918. № 65. Ст. 710.
13. СУ РСФСР. 1918. № 90. Ст. 908.
14. СУ РСФСР. 1919. №66. Ст. 590.
15. СУ РСФСР. 1920. № 11. Ст. 71.
16. СУ РСФСР. 1920. № 9. Ст. 58.
17. СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

18. СУ РСФСР. 1927. № 49. Ст. 330.
19. СУ РСФСР. 1929. № 50. Ст. 513.
20. СУ РСФСР. 1931. № 9. Ст. 103.
21. СУ РСФСР. 1934. № 17. Ст. 102.
22. СУ РСФСР. 1934. № 30. Ст. 173.
23. СУ УССР. 1919. № 9. Ст. 114.
24. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. Изд. Н.С. Таганцева. СПб., 1904.
25. Циркуляр №254 «О публичном чествовании лиц, осужденных или находящихся под судом за совершение тяжких государственных преступлений» // Еженедельник советской юстиции. 1923. №48.

Литература

1. *Абуталипов А.Р., Илиджев А.А.* К вопросу о юридической природе преступлений против порядка управления в уголовном праве России // Вестник Казанского юридического университета МВД России. 2014. № 1 (15).
2. *Авербах И.Л.* От преступления к труду / Под ред. А.Я. Вышинского. 1936.
3. *Адоратский А.* Октябрьская революция и диктатура пролетариата в меньшевистском освещении // Революция права. 1927 г. № 4.
5. *Аржанов М.* Некоторые научные проблемы права в период перехода к коммунизму // Советское государство и право. 1939. № 2.
6. *Арыкова Н.И.* На втором совещании местных судебно-прокурорских работников // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 48.
7. *Берман Я.А.* К вопросу об Уголовном кодексе социалистического государства // Пролетарская революция и право. 1919. № 2(12)-4(14).
8. *Бранденбургский Я.Н.* О нашей уголовной репрессии // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 15.
9. *Бранденбургский Я.Н.* Первый шаг к пересмотру нашей карательной политики // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 38/39.

10. *Бранденбургский Я.Н.* Что февральская сессия ЦИК СССР решила по вопросам уголовного законодательства // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 10.
11. *Винокуров А.Н.* Разъяснение XVIII Пленума Верховного Суда Союза ССР // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 02.
12. *Волков Г.И.* Классовая природа преступлений и советское уголовное право. 1935.
13. *Волков Г.И.* О проекте нового Уголовного кодекса // Социалистическая законность. 1937. № 3.
14. Вопросы юстиции на II сессии ВЦИК X созыва // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 27.
15. *Вышинский А.Я.* XVIII съезд ВКП(б) и задачи науки социалистического права // Советское государство и право. 1939. № 3.
16. *Вышинский А.Я.* Революционная законность и задачи Советской защиты / Доклад на собрании Московской коллегии защитников 21 декабря 1933 года. М., 1934.
17. *Ганин А.А.* Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года в вопросах и ответах: Практический комментарий на основе судебной практики Верхсуда РСФСР и циркуляров НКЮ до 1 июля 1927 г. М., 1927.
18. *Гернет М.Н., Гродзинский М.М., Жижиленко А.А.* и др. Уголовный кодекс. Практ. Коммент. М. 1925.
19. *Герцензон А.А.* Труды Первой научной сессии Всесоюзного института юридических наук 27 января - 3 февраля 1939 г. / Под ред. И.Т. Голякова М., 1940.
20. *Герцензон А.А., Меньшагин В.Д., Ошерович Б.С., Пионтковский А.А.* Уголовное право. Государственные преступления. 1938.
21. *Грачева Ю.В., Маликов С.В., Чучаев А.И.* Советское уголовное уложение (научный комментарий, текст, сравнительные таблицы) / под общ. ред. докт. Юр. наук, профессора А. И. Чучаева. М., 2015.

22. Зайцев С. Экономическая контрреволюция в Донбассе // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 26.
23. Зорин А.В. Политическая преступность: криминалистический анализ. Дисс. канд. Юр. наук. СПб., 2018.
24. Иодковский А.Н. Пересмотр Уголовного кодекса // Еженедельник советской юстиции. 1925. № 29.
25. Исаев М.М. Основные начала уголовного законодательства СССР. М., 1927.
26. Исаев М.М. Труды Первой научной сессии Всесоюзного института юридических наук 27 января - 3 февраля 1939 г. / Под ред. И.Т. Голякова М., 1940.
27. История отечественного государства и права в 2 ч. Ч. 2 / Под редакцией О. И. Чистякова. М., 2016. С. 87.
28. Карницкий Д.А., Рогинский Г., Строгович М. Уголовный кодекс РСФСР. Постатейный комментарий. М., 1931.
29. Козловский М.Ю. Пролетарская революция и уголовное право // Пролетарская революция и право. 1918. № 1.
30. Крыленко Н.В. Вопросы юстиции на II сессии ВЦИК X созыва // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 27.
31. Крыленко Н.В. О революционной законности. М., 1932.
32. Крыленко Н.В. Основные принципы пересмотра УК РСФСР // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 46/47.
33. Крыленко Н.В. Пора! // Революция права. 1927. №4.
34. Крыленко Н.В. Три проекта Уголовного кодекса // Советское государство и революция права 1931. № 1.
35. Курский Д.И. На путях развития Советского права. 1927.
36. Курский Д.И. Новое Уголовное право // Пролетарская революция и право № 2 (12) - 4 (14).
37. Курский Д.И. О делах об убийствах сельских и рабочих корреспондентов // Еженедельник советской юстиции. 1924. № 45.

38. *Ленин В.И.* Соч. т. XXIV. С. 166.
39. *Маньковский Б.* Вопросы Уголовного права в период перехода от социализма к коммунизму // Советское государство и право. 1939. № 3.
40. *Меньшагин В.Д.* Преступления против порядка управления. 1938 г.
41. *Мокринский С.* Меры Уголовного кодекса // Еженедельник советской юстиции. 1926. № 16.
42. *Мэрэн Г.* К пересмотру Уголовного кодекса // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 08.
43. На втором совещании местных судебно-прокурорских работников // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 48.
44. *Немировский Э.Я.* Уголовное право. Пособие к изучению науки уголовного права и действующего УК СССР. Одесса., 1924.
45. *Немцев Н.* Революционная законность и работа суда в реконструктивный период // Еженедельник советской юстиции. 1929.
46. Обвинительное заключение по делу: Зиновьева Г.Е., Каменева Л.Б. и др., обвиняемых в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58.8, 19.58.8, 58.11 УК РСФСР. Саратов., 1936.
47. *Окунева М.О.* Влияние социологической школы Уголовного права на кодификацию советского уголовного законодательства // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2016. № 4.
48. *Ордынский С.П.* Преступления против порядка управления. М., 1924.
49. *Пашуканис Е.Б.* Основные проблемы марксисткой теории права и государства // Советское государство и революция права. 1931. № 1.
50. *Пионтковский А.А.* Преступления в социалистическом обществе // Советское право №2(5). 1923.
51. *Пионтковский А.А.* Советское уголовно право. Особенная часть. Т.2. 1928.
52. *Пионтковский А.А.* Труды Первой научной сессии Всесоюзного института юридических наук 27 января - 3 февраля 1939 г. / Под ред. И.Т. Голякова М., 1940.

53. *Пионтковский А.А., Меньшагин В.Д.* Курс Советского Уголовного права. Особенная часть. Т. 1. М., 1955-1959.
54. *Познышев С.В.* Основные начала науки уголовного права. М., 1912.
55. *Полянский П.Л.* Зарождение института неопределенных приговоров в советском законодательстве 1918–1921 гг. // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2023. № 5.
56. *Ривлин Э.С.* Ответственность за неисполнение обязательств по договорам с госорганами // Еженедельник советской юстиции. 1925. № 11.
57. *Саврасов Л.А.* Преступление и наказание в текущий переходный период // Пролетарская революция и право. 1918. № 5.
58. *Сольц А.А., Файнблит С.Д.* Революционная законность и наша карательная политика. М., 1925.
59. *Сорокина А.В.* Проект Уголовного кодекса 1939 г.: Общая характеристика Особенной части // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. №27.
60. *Сталин И.В.* Доклад о проекте Конституции СССР. Партиздан, 1938.
61. *Стучка П.И.* Пролетарская революция и суд // Пролетарская революция и право. 1918. №1.
62. *Тельберг Г.Г.* Политический суд в Московском государстве XVII века // Вопросы права. № 3. Кн. 7. М., 1911.
63. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939: Документы и материалы. В 5 тт. / Т. 5. 1937—1939. Кн. 2. 1938—1939 / Под ред. В. Данилова. М., 2006. См: Информационные сводки обл. суда №21 «О работе судебных органов Новосибирской обл. по уборочной и хлебозаготовительной кампании 1938 г.» от 10 октября 1938 г.
64. *Трошкина Д.Э.* Государственные преступления в проекте Уголовного уложения 1918 года // Философия. Социология. Право. 2023. № 48(3).
65. Уроки истекшего года // Административный вестник. 1929. № 10.

66. Учебное пособие по советскому уголовному праву. Составлено кафедрой уголовного права всесоюзной правовой академии / Под ред. Б.С. Утевского. М., 1938.

67. *Файнберг*. Труды Первой научной сессии Всесоюзного института юридических наук 27 января - 3 февраля 1939 г. / Под ред. И.Т. Голякова М., 1940.

68. *Чельцов-Бебутов М.* УК РСФСР в оценке западно-европейских криминалистов // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 18.

69. *Черлюнчакевич Н.А.* IV Всероссийский съезд деятелей советской юстиции (26-30 января 1922 г.). Стеногр. отчет. М., 1922.

70. *Шаргородский М.Д.* Труды Первой научной сессии Всесоюзного института юридических наук 27 января - 3 февраля 1939 г. / Под ред. И.Т. Голякова М., 1940.

71. *Щелконогова Е.В.* Советское уголовное уложение и Уголовный кодекс РФ: сравнительно-правовой анализ. Российский юридический журнал. 2016.

72. *Щербаков А.В.* Российское уголовное законодательство о преступлениях против порядка управления // Бизнес в законе. 2009.

73. *Эстрин А.* Десять лет советской уголовной политики // Революция права. 1927 г. № 4.

74. *Эстрин А.* Советское уголовное право в первом десятилетии // Советское право. 1927. № 6 (30).

75. *Эстрин А.Я.* Развитие советской уголовной политики. 1933.

76. *Янушевич В.* К пересмотру Уголовного кодекса // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 25.

Иные материалы

1. V Всероссийский съезд деятелей Советской юстиции // Еженедельник советской юстиции. 1924. № 12/13.

2. Вопросы юстиции на II сессии ВЦИК X созыва // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 27.

3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК ч. 2. 1953.

4. Опред. УКК Верхсуда РСФСР по д. № 24236 / Сборник определений ВС СССР. 1924.

5. Определение по протесту пом. Прокурора Республики при Верхсуде на определение УКК по делу гр. Абрамовича // Еженедельник советской юстиции. 1924. №29.

6. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации.

7. Уголовный кодекс РСФСР с приложением постатейно-систематизированных материалов. М., 1941.

8. Пояснительная записка к проекту Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. // Еженедельник сов. юстиции. 1925. № 38-39.

9. Разъяснение Пленума Верхсуда РСФСР от 7 марта 1927 г. // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 15.

10. Разъяснение Пленума ВС СССР «О квалификации убийства финработников в связи с их служебной деятельностью» // Еженедельник советской юстиции. 1928. №49-50.

11. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939: Документы и материалы. В 5 тт. / Т. 5. 1937—1939. Кн. 2. 1938—1939 / Под ред. В. Данилова. М., 2006. Информационные сводки обл. суда №21 «О работе судебных органов Новосибирской обл. по уборочной и хлебозаготовительной кампании 1938 г.» от 10 октября 1938 г.

12. Труды Первой научной сессии Всесоюзного института юридических наук 27 января - 3 февраля 1939 г. / Под ред. И.Т. Голякова М., 1940.

13. Уголовно-судебная практика Ставропольского губернского суда (По делам, прошедшим в УКК Верхсуда за 1927 г.) // Еженедельник советской юстиции. 1928. №38-39.

Интернет-ресурсы

1. Первая Всероссийская конференция чрезвычайных комиссий. Вступительное слово члена Коллегии ВЧК Г.Д. Закса при открытии 1-й конференции чрезвычайных комиссий. 11 июня 1918 г.

URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/45442-pervaya-vserossiyskaya-konferentsiya-chrezvychaynyh-komissiy-vstupitelnoe-slovo-chlena-kollegii-vchk-g-d-zaksa-pri-otkrytii-1-y-konferentsii-chrezvychaynyh-komissiy-11-iyunya-1918-g> (дата обращения 05.11.2024).

2. ОГПУ. Дело № 72443 по обвинению гр. Лимана Ф.П. 1929.

URL: <https://istmat.org/node/62902?ysclid=m7j09ouqkx131812963> (дата обращения 04.01.2025)

3. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7166201> (дата обращения: 16.03.2025).

4. URL: <https://www.rbc.ru/politics/17/04/2024/661fd9f39a79470998279764> (дата обращения: 16.03.2025).

5. «Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик» (утв. Постановлением ЦИК СССР от 31.10.1924) / СПС «КонсультантПлюс».

6. Закон РФ от 18.10.1991 N 1761-1 (ред. от 25.12.2023) «О реабилитации жертв политических репрессий» / СПС «КонсультантПлюс».

7. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 18 августа 2004 г. N 516-П04ПР / СПС «Гарант».

8. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 7 июля 2004 г. N 296-П2004-ПР / СПС «КонсультантПлюс».

9. Постановление ЦИК СССР от 25.02.1927 «Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления)» / СПС «КонсультантПлюс».

10. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 24.09.2022 N 365-ФЗ / СПС «КонсультантПлюс».

11. Федеральный закон от 14.07.2022 N 260-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» / СПС «КонсультантПлюс».